

фонд
 либеральная
 миссия
библиотека
 фонда
 либеральная
 миссия

Евгений Ясин
Новая эпоха —
старые тревоги:
политическая
экономика

Евгений Григорьевич Ясин
Новая эпоха – старые тревоги:
Политическая экономия

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3091955

Новая эпоха – старые тревоги: Политическая экономия: Новое издательство; Москва; 2004
ISBN 5-98379-015-3

Аннотация

В книгу известного российского экономиста Евгения Ясина «Новая эпоха – старые тревоги: политическая экономия» вошли его работы 1998–2004 годов, посвященные взаимосвязи общественных и экономических процессов в современной России. Роль реформ 90-х годов в сегодняшнем экономическом подъеме, влияние государственной политики на инвестиционный климат, дело ЮКОСа и обозначенный им конфликт между бизнесом и бюрократией – анализ каждой из этих проблем подводит Евгения Ясина к единому выводу: только путь демократического развития сулит России экономическое процветание.

Содержание

Предисловие	4
Отступление	5
Инвестиционный климат	8
Оживление	10
Реформы или демократия, миссия или власть	11
Демократическая практика	13
Бизнес и власть	15
1998–2002	18
Поражение или отступление? Российские реформы и финансовый кризис	18
Вступление	18
Введение	18
Три исходных тезиса	19
1. Реформы ни при чем	19
1.1	19
1.2	20
2	23
2.1	23
3	27
3.1	28
3.2	29
3.3	32
4	33
4.1. От Кириенко к Примакову	33
4.2	34
4.3	35
5	35
5.1	36
6	41
6.1	41
6.2	42
7	45
7.1	45
7.2	46
7.2.1	47
7.2.2	48
7.2.3	50
8	51
Мое покаяние	53
Правый манифест	56
Введение	56
1	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Евгений Ясин

Новая эпоха – старые тревоги: Политическая экономия

Предисловие

В предлагаемом читателю издании собраны в основном уже опубликованные работы 1998–2004 годов (некоторые из них написаны в соавторстве). Делаю я это впервые – до сих пор публиковал только заново написанное. Побудили меня к этому следующие обстоятельства. В 2002 году вышла моя книга «Российская экономика: истоки и панорама реформ». Она охватывает период до кризиса 1998 года включительно, в том числе те события 1989–1998 годов, в которых я был не только наблюдателем, но и участником. Понятно, что в ней содержатся и мои размышления относительно взаимозависимости и закономерностей различных процессов перехода от плановой к рыночной экономике в России, от тоталитарного режима к демократии.

Я взял на себя обязательство продолжить эту работу. Но пока для того, чтобы основательно включиться в нее, не удастся выбрать время. Довлеет злоба дня. Между тем ощущается все более настоятельная потребность в осмыслении дальнейших событий.

Просматривая свои основные публикации, вышедшие после 1998 года, я пришел к выводу, что в совокупности они дают достаточно интересный материал для размышлений о событиях в экономике и политике, последовавших за августовским кризисом. Конечно, каждый этот текст несет на себе отпечаток определенного отрезка времени и той конкретной задачи, ради которой был написан. И вместе они не заменяют задуманной капитальной работы, поскольку произошедшее позднее требует корректировки многих выводов и новых обобщений. Тем не менее это не лишает их интереса, а порой, напротив, они позволяют почувствовать атмосферу последних лет и лучше понять логику изменения текущих оценок развития событий. Соответственно эволюционируют и оценки перспектив. Получилось так, что к выходу подготовлены два сборника под одним заголовком «Новая эпоха, старые тревоги» – по названию одного из моих докладов, включенному в первую книгу. Но с подзаголовками: первый сборник – «Политическая экономия», второй – «Экономическая политика». Настоящая статья, специально написанная для первого сборника, явится дополнением к другим включенным в него работам. Я попытаюсь здесь пояснить, почему именно эти тексты вошли в сборник и каков мой нынешний взгляд на обсуждаемые в них проблемы.

Подзаголовок настоящей книги объясняется тем, что в него вошли публикации, в которых так или иначе рассматривается расстановка общественных сил, влияющих на развитие российской экономики и общества. Тексты здесь сгруппированы в два раздела. Первый содержит публикации 1998–2002 годов, во второй вошли работы 2003–2004 годов, в основном посвященные теме «Бизнес и власть», событиям вокруг ЮКОСа и конфликту между крупным бизнесом и бюрократией, который этими событиями обозначен. Теперь по сути.

Отступление

Я работал в правительстве России с ноября 1994 года по июль 1998-го. Не самый яркий период в истории реформ российской экономики, время расцвета олигархического капитализма, залоговых аукционов и информационных войн. Основные рыночные реформы были уже осуществлены: либерализация цен, открытие экономики, массовая приватизация. Но все же в этот период была достигнута финансовая стабилизация: в 1997 году инфляция снизилась до 11 % против 320 % в 1994 году.

Комиссия по экономической реформе под руководством А.Б. Чубайса наметила план дальнейших реформ, сформировала на будущее концептуальный задел по содержанию каждой из них. Но серьезно продвинуть рыночные реформы в тот период так и не удалось: противостояние президента и левого большинства в парламенте, реформаторов и олигархов, наконец, смена правительства и финансовый кризис 1998 года парализовали все усилия. А сделать предстояло еще очень и очень много, если говорить о создании свободной эффективной экономики и политической демократии.

18 июля 1998 года был подписан указ президента, которым я освобождался от обязанностей министра в правительстве РФ. До этого, уже с марта, после отставки В.С. Черномырдина, я был и.о. министра без портфеля – позиция более чем сомнительная. С.В. Кириенко пытался отстоять мою кандидатуру, но намерение Б.Н. Ельцина избавиться от меня было непреклонным. Хочу напомнить, что в то время президент вынужден был уступать левым, имевшим в парламенте большинство и рассчитывавшим усилить свое влияние и в органах исполнительной власти. Кириенко на пост премьера они пропустили под угрозой крайней меры – роспуска Государственной Думы. Но лишь такие меры, чреватые полной политической дестабилизацией, не позволили бы Б.Н. Ельцину и далее удерживать позиции. Поэтому, когда речь шла об уступках непринципиальных, не влиявших на объем его властных полномочий, он предпочитал соглашаться. По слухам, особенно уговаривали президента отказаться от моих услуг Г.Н. Селезнев и Е.С. Строев. По правде сказать, я думаю, у Ельцина не было особых мотивов отстаивать мою кандидатуру.

Через месяц после моей отставки случился тяжелейший финансовый кризис. На самом деле после известных решений 17 августа он только вступил в открытую и острейшую фазу. А начался еще в ноябре 1997 года и, после короткой передышки, с мая 1998 года непрерывно нарастал. Решения 17 августа просто вскрыли опухоль, это было признание, что дальше удерживать ситуацию в латентном состоянии нельзя. Почти все это время я находился в центре событий и поэтому, хотя я не вносил конкретных предложений и не подписывался ни под какими судьбоносными документами, считаю себя вместе с моими товарищами ответственным за все, что произошло. Затем наступил период, когда сторонникам либеральных рыночных реформ казалось, что все пошло прахом. И без того нам все время приходилось идти против течения, преодолевая сопротивление и вызывая ненависть очень многих. А тут еще события как бы подтвердили ошибочность курса, тщетность всех усилий. Противники торжествовали.

Ельцин, отправив в отставку правительство С.В. Кириенко, вынужден был отступить на политическом фронте. Он уже был бы рад вернуть В.С. Черномырдина на пост премьера, но в силу, как тогда говорили, парламентского сговора коммунистов с Ю.М. Лужковым и это оказалось невозможным.

Компромисс был найден в лице Е.М. Примакова, который прежде доказал лояльность президенту, но в то же время придерживался консервативных взглядов и устраивал левых. С самого начала он заявил о «реформировании реформ», об отказе от курса этих, как он называл, «псевдолибералов».

Я никогда не забуду съезд Российского союза промышленников и предпринимателей в октябре 1998 года, тогда еще без «олигархов». Колонный зал Дома союзов переполнен. В президиуме Е.М. Примаков. Он осторожен в высказываниях. Но зато другие выступающие не стесняются: все это безобразие кончается, к власти пришли свои! И хотя Ельцин еще президент, но он стар, болен, у него уже нет сил держаться за власть и за реформы. Евгений Максимович обопрется на опытные кадры и начнет спасать промышленность.

И действительно, появление в правительстве Ю. Маслюкова, Г. Кулика, В. Ходырева и подобных им укрепляло эти ожидания. В рядах реформаторов царили депрессия и расстройство, близкое к панике. Мы пытались критиковать Примакова за ожидаемое ослабление денежной и бюджетной политики, предвещая гиперинфляцию, но ничего такого не случилось. Примаков, вняв критике, а также М. Задорнову и В. Геращенко, провел в этой сфере маневр, который в той ситуации оказался близок к оптимальному: умеренная эмиссия, неизбежная при полном отсутствии кредитов, а затем жесткий бюджет, проведенный через Думу при ворчливой поддержке друзей-коммунистов. Примаков показал себя монетаристом почище Гайдара. Инфляцию после тяжелейшего кризиса удержали в рамках. Слава богу! Но это, что называется, жизнь заставила. А дальше можно было ожидать консервативного поворота на 180 градусов с той скоростью, какую только позволят обстоятельства. Тогда был написан доклад Экономическому клубу «Поражение или отступление? Российские реформы и финансовый кризис», который открывает настоящий сборник.

Почему именно Экономическому клубу? Идея его создания возникла в 1991 году, когда еще все сторонники рыночных реформ были не у дел – и Гайдар, и Явлинский. А у меня теплилась надежда как-то объединить силы в ожидании неизбежных крутых перемен. Тогда из затеи ничего не вышло, на собрания клуба команды приходили по отдельности – либо от Гайдара, либо от Явлинского. Помню, однако, последнюю встречу в конце октября, когда пришли А. Чубайс, С. Васильев и где, по сути, обсуждалось, что они станут делать, если Ельцин подпишет указ о новом составе правительства с их участием. Напомню, этот указ был подписан 6 ноября 1991 года. На этом первый этап истории Экономического клуба закончился. Второй этап начался после августа 1998 года, когда под этим названием я, совместно с Гайдаром, попытался создать площадку, на которой могли бы собираться либералы, изгнанные из власти. В этой ипостаси клуб просуществовал примерно год и затем был преобразован в Фонд «Либеральная миссия».

Было бы глупо пересказывать доклад, он приведен ниже. Хочу только сказать о настроении, с которым я его писал: нет, мы не поддадимся, историческая правда на нашей стороне. Мы будем бороться, чтобы не дать утащить страну назад. Хотелось передать это настроение соратникам, да и согражданам дать понять: все равно мы правы и наши идеи победят.

Полагаю, мы оказались сильнее, чем думали. Посмотрите прогнозные сценарии в конце доклада. Практически реализовался вариант, совмещающий рассмотренные в нем реалистический и «пессимистический» сценарии. Из реалистического: инфляция предсказана на 100 % верно, получилось 84 % в 1998 году и 36 % в 1999-м. Из «пессимистического»: на выборах 1999–2000 годов (правда, без прививки от популизма и левой демагогии) мы все же получили президента и правительство, которые по крайней мере не стесняются произносить слово «реформы».

Второй в этом разделе помещена моя статья «Мое покаяние», напечатанная в газете «Труд» в марте 1999 года. Тогда от так называемых виновников 17 августа, да и от всех участников реформ требовали покаяния, признания ошибок. Дескать, уже сама жизнь показала, что вы ошибались. Ну признайте это, и мы, возможно, отнесемся к вам снисходительно: покаянную голову меч не сечет. Если не покаетесь – не вернете доверия народа. А вы каяться не хотите, в этом ваш порок.

Я и написал: да, были у нас ошибки, как у всяких людей, которые что-то делают, особенно если делают столь масштабное и рискованное дело. И эти ошибки мы готовы признать. Но ведь не этого от нас хотят. От нас хотят, чтобы мы отступились от принципов, от убеждений, в которых у нас нет оснований сомневаться. Не будет этого! Правильные принципы хороши тем, что в конце концов люди убеждаются в их правильности. Реформы начала 90-х годов я всегда буду считать одним из самых важных эпизодов в российской истории. Уверен, что со временем это признают все. Экономический подъем станет прямым их следствием.

В конце 1999 года в стране предстояли парламентские выборы. Все политические силы готовились, и сторонники реформ объединились в Союз правых сил. Для СПС я написал «Правый манифест», который после ряда обсуждений и редакций был одобрен как партийный документ. Но реально программой партии он так и не стал, не знаю почему. Потом был принят «Либеральный манифест» под редакцией Алексея Кара-Мурзы и еще какие-то программные документы. Как всегда, в среде демократов шла тихая возня относительно того, кто умнее и главнее. Но мне «Правый манифест» дорог как текст, в который я вложил душу и свою убежденность в то, что идеи свободы и демократии жизненно важны для России и что они в конечном счете победят. Причем писал я это тогда, когда мы отступали. Я и сейчас уверен, что написанное в нем и сегодня актуально, а может быть, даже актуальнее, чем тогда. Поэтому я решил включить «Правый манифест» в этот сборник.

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ

Доклад «Инвестиционный климат в России» подготовлен под моим руководством Экспертным институтом совместно с фирмой Ernst&Young, Высшей школой экономики и Бюро экономического анализа в самом конце 1999 года. Я долго думал, стоит ли его помещать в этот сборник, но потом решил. Во-первых, доклад был встречен позитивно, в том числе в силу его стремления к объективному отражению ситуации. Во-вторых, начинался новый этап дискуссий об экономической политике, о стратегии реформ, и любопытно сравнить его выводы с тем, что на этом фронте происходило потом. Доклад появился почти одновременно со статьей В. Путина в Интернете, в которой он впервые дал наброски своего видения ситуации и того, что намерен делать. Наши позиции во многом совпадали.

Напомню, что дело было через год с небольшим после кризиса 1998 года. Оживление началось, но никто не думал, что оно окажется устойчивым. Бартер, неплатежи, колоссальный вывоз капитала, бюджетный кризис – все это еще было, и ожидание новых кризисов висело в воздухе. Угроза дефолта по внешнему долгу нависала как дамоклов меч, пик расчетов с международными кредиторами, предстоявший в 2003 году, вызывал чувства, близкие к панике. В этих условиях надо было думать о будущем. Инвестиционный климат, конкурентоспособный на международных рынках капитала, было предложено рассматривать как одну из главных целей. И потому, что нужны были ресурсы для модернизации, которых не хватало в стране, и потому, что для формирования благоприятного инвестиционного климата надо было менять институты, т. е. проводить либеральные экономические реформы. Ясно, что быстро решить эти задачи невозможно. Мы предложили формулу «сегодня лучше, чем вчера, завтра лучше, чем сегодня» как основу долгосрочной политики, способствующей постоянному нарастанию доверия.

Приведу одну выдержку из доклада об оценке уровня корпоративного управления, любопытную с точки зрения последующих событий:

К примеру, в марте 1999 года прошел ряд внеочередных собраний акционеров в дочерних предприятиях компании ЮКОС. На каждом из них решался один и тот же вопрос – о дополнительной эмиссии акций. Собрания проходили по одной и той же схеме: пакет акций, близкий к блокирующему пакету в 25 %, принадлежащих меньшинству акционеров, арестовывался по обвинению в нарушении антимонопольного законодательства. В результате группа МЕНАТЕП, владеющая контрольным пакетом через ЮКОС, получала необходимое одобрение 75 % акционеров дополнительной эмиссии.

Таким образом М.Б.Ходорковский избавлялся от спекулянта Кеннета Дарта, который присосался к ЮКОСу, используя при этом сомнительные методы и явно нарушая права миноритарных акционеров. Это характеристика деловых нравов того времени и, разумеется, инвестиционного климата. Но это не донос в прокуратуру: дескать, можете найти обвинение не хуже, чем по «Апатиту» или ЗАТО «Лесное», которые фигурируют в деле ЮКОСа. Это попытка показать, какой путь с того времени прошел российский бизнес в формировании цивилизованного корпоративного управления. После истории с Дартом Ходорковский покрыл потери миноритариев и перестроил компанию, сделав ее примером прозрачности и легальности. Аналогичные процессы начались и в других крупных компаниях.

Многие оценки доклада верны и сейчас, другие способствовали принятию мер, позволивших улучшить положение. Например, тогда существовала прогрессивная шкала подоходного налога с высшей ставкой 45 %, введенная при правительстве Е.М. Примакова, высокие

ставки отчислений от фонда оплаты труда во внебюджетные фонды. В докладе они подвергнуты критике. Как известно, с 2002 года введена плоская шкала подоходного налога с одной ставкой 13 %, а в 2004 году очередь дошла до снижения единого социального налога. Многие рекомендации предваряли некоторые положения будущей «программы Грефа» и до сих пор не утратили значения. С тех пор, если брать только экономическую сторону, инвестиционный климат существенно изменился к лучшему.

Оживление

Вдруг, казалось бы, совершенно неожиданно, российская экономика стала подниматься из руин. Все вокруг ждут новых катастроф, коллапса, а она внезапно начинает оживать. И первая естественная мысль большинства людей: это мудрая политика Е. Примакова, он спас Отчизну от неминуемой гибели.

Я уже отмечал выше подлинные заслуги Примакова. А сейчас пришла пора сказать, что, кроме спасения от гиперинфляции, он для оживления экономики не сделал ничего. Реально в дело вступили рыночные силы, высвобожденные как раз теми реформами, которые были принято проклинать.

Затем Примакова отправили в отставку, прозвучало знаменитое ельцинское «не так сели». На его место заступил С.В. Степашин, хотя его премьерский век оказался еще короче. Но представление о том, будто экономику поднял Примаков, оставалось в общественном сознании.

Тогда я написал помещенную в этом сборнике статью «Экономика: привет Степашину от Кириенко», которая была опубликована в «Аргументах и фактах» в мае 1999 года. Главная мысль: именно решения 17 августа, как это ни покажется странным, привели к оживлению экономики. Те, кто взял тогда на себя ответственность, на самом деле заслуживают не поношений, а благодарности за мужество. Они облегчили жизнь Примакову и Степашину, позволили им сыграть роль спасителей Отечества.

Эта моя заметка была одной из первых публикаций относительно подлинных причин оживления экономики, и она привлекла внимание. Реформы 90-х должны были начать приносить плоды. И вот они стали появляться. На поверхности лежали девальвация рубля и массивное импортозамещение, загрузка наличных мощностей, доселе простаивавших. Еще и цены на нефть не поднялись. Но даже за первым успехом стояли рыночные реформы: только рыночная экономика, уже заработавшая в результате их проведения, могла так гибко среагировать на изменение ситуации.

Парадоксально и естественно. Первый этап реформ завершился кризисом, который был воспринят как их крах. На деле же он позволил разрешить проблемы, которые были не по зубам правительству, и двинуться дальше.

Дальше новая волна событий. Б.Н. Ельцин отправляет в отставку Степашина, пост премьера занимает новый кронпринц – В.В. Путин. Разворачиваются события в Дагестане. Еще недавно мягкотелый С.В. Степашин объяснял, что ваххабитские села в этой республике – Карамахи и Чабанмахи – это всего-навсего место обитания мирной секты, вполне вписывающейся в демократические представления о свободе совести. А уже в октябре шли ожесточенные сражения с отрядами Басаева и Хаттаба и из тех же сел выбивали с кровью их вооруженных сторонников. И новый премьер сказал свое знаменитое «мочить в сортире», надолго завоевав народную любовь: наш парень!

А на Новый год досрочная отставка Ельцина, его грустные прощальные слова. С новым 2000 годом и – вслед за ним – с новым XXI веком, с новым III тысячелетием наступала новая эпоха в нашей истории. Позади романтика перестройки и реформ, тяжелые испытания, с ними связанные. Расставание с прошлым. Выбираем нового президента и начинаем новую жизнь.

Реформы или демократия, миссия или власть

Начинался новый этап развития страны. Условно – модернизация.

Хочу напомнить, что модернизация, понимаемая в самом широком смысле как преодоление отсталости страны, выход ее на передовые рубежи в мире, была и целью большевистского проекта. Он закончился колоссальной неудачей. И снова встал вопрос о путях и методах модернизации, уже в принципиально новых условиях. Но цели-то были старые: поднять производство и благосостояние, повысить производительность, обеспечить конкурентоспособность страны, а значит, научиться делать конкурентоспособные изделия в количествах, обеспечивающих занятость, повышение доходов, устойчивость экономики от колебаний мировой конъюнктуры.

Неудачу большевистского проекта обусловило то, что он делал ставку на социалистические плановые институты, отвергнув рыночные механизмы, конкуренцию и корыстные интересы людей. А когда новый идеальный человек не получился, вопреки упорному навязыванию марксистских схем, пришлось ставить на подавление естественных желаний людей, их грешной природы, и на обильное вовлечение ресурсов в экономику. Когда же выяснилось, что возможности экстенсивного роста за счет увеличения масштабов вовлечения дополнительных ресурсов не безграничны, а подавить материальные интересы людей невозможно, тут все и кончилось.

С самого начала был и другой проект – либеральный, демократический, который предполагал движение России в основном русле развития мировой цивилизации, но был отвергнут с началом Первой мировой войны. Он состоял в том, чтобы отсталость, обусловленная сильными пережитками архаичного феодально-аграрного строя, преодолевалась последовательным устранением этих пережитков и формированием институтов постиндустриальной эпохи на основе рыночной экономики и демократии.

В сущности, рыночные реформы после краха коммунизма означали возврат к этому проекту. Но у него две основные составляющие – рыночная экономика и политическая демократия. Поначалу между ними существовало противоречие: нельзя было решать обе задачи одновременно, уже хотя бы потому, что рыночные реформы, особенно в России, очень трудны для населения. И не могут быть иными. Большинство очень скоро стало высказываться против них, в лучшем случае, против способа их проведения. Демократия при этом могла с большой вероятностью привести к поражению реформ и реставрации советской системы.

Тем не менее именно свобода и демократия были старыми тревогами России, перед революцией они являлись программными требованиями всех партий, правда, по-разному понимаемыми.

Хотя все перемены у нас начинались с демократизации и хотя именно широкая демократическая волна снесла коммунистический режим, реформы привели к упадку демократического движения, к разочарованию в демократии. Кончилось это тяжелым политическим конфликтом между президентом и парламентом, расстрелом Белого дома.

Я – убежденный сторонник демократии, каким может быть только бывший советский подданный, чье достоинство попиралось большую часть жизни, но все же как-то осталось живо. Конечно, настолько, насколько нужно, чтобы не ходить туда, где твое достоинство может быть оскорблено, чтобы не требовать большего, чем само получается.

И тем не менее я не настолько пурист, чтобы утверждать: демократия превыше всего. В 1993 году я был на стороне Б. Ельцина, хотя он нарушил Конституцию. Потому что и тогда, и сейчас убежден: сохранение и продолжение рыночных реформ в то время было важней

демократии, точнее – буквального соблюдения всех демократических процедур и законов того времени.

Тогда сложилась ситуация, когда под демократией не было социально-экономической базы, реформы только должны были ее сформировать.

Она и сейчас еще слаба. Но все же появились такие институты, как частная собственность, свободные цены, реальные контрактные отношения, без которых демократии просто не бывает. Теперь нужна социальная практика, в которой демократические нормы показывают свою полезность, опыт жизни в условиях, отличных от традиционных для нас отношений господства и подчинения, злоупотребления властью.

Демократическая практика

Подчеркиваю, практика. Без нее в России новые по типу отношения не сложатся. И в любом случае нужно много-много лет, чтобы они сложились. А без этих новых отношений у страны нет будущего. Поскольку, в отличие от прежнего, бабы не нарожают сколько угодно солдат, чтобы не ценить жизнь человека, как это было на Руси испокон веков. Потому что потенциал каждого россиянина понадобится использовать сполна, а для этого в пост-индустриальную эпоху нужны свободные люди, привыкшие жить в атмосфере доверия, в том числе и к государству, и уважать права сограждан, даже если они не начальники. Откладывать, следовательно, нельзя. Управляемая демократия (как она ни привлекательна для власти, поскольку ею легче управлять) означает, что на деле государство подчиняется бюрократии, которой иерархия ближе и понятней и которая будет блокировать новые типы отношений.

Когда Путин пришел к власти, страна еще была в состоянии постреволюционного хаоса. И хотя «управляемая демократия», которую сейчас многие критикуют, формировалась уже начиная с 1996 года, Россия все же еще испытывала острую нужду в политической стабильности. В короткие сроки новый президент усмирил «самостийных» регионалов, убрал угрозу сепаратизма, ослабил оппозицию, накиннул узду на СМИ. Хаоса не стало. Но одновременно многие нормы демократии, к которым уже привыкли, оказались нарушены. История с Андреем Бабицким, корреспондентом радио «Свобода», пропавшим в Чечне, заставила старых демократов насторожиться. Власть вправе возражать, когда пресса, особенно зарубежная, на территории страны, по сути, содействует мятежникам. Но форма, в которой выразились эти возражения, многим представлялась неприемлемой: что-то происходило непонятное – пропал, нашелся с поддельными документами... С тех пор постепенно накапливались свидетельства того, что Путин будет сочетать либеральные реформы в экономике с усилением «управляемой демократии» в ущерб реальной, что ставка будет сделана на бюрократию.

В сборнике помещен упомянутый выше доклад «Новая эпоха, старые тревоги», подготовленный в 2001 году, в начале президентства В.В. Путина. В нем охарактеризованы исходные позиции нового президента – экономические, социальные, политические – и сказано о выборе, который ему предстоит сделать: миссия или власть. Миссия, т. е. задачи, которые надо решить во благо страны, состоит из трех пунктов: 1) вытащить страну из полосы кризиса, улучшить жизнь людей; 2) укрепить позиции России в мире, вернуть россиянам чувство национального достоинства; 3) обеспечить демократическое развитие страны на основе уважения прав и свобод человека. Чтобы исполнить миссию, требуется последовательно решать эти задачи, выбирая при этом оптимальные варианты решений: в экономике – либеральные реформы, в политике – укрепление государства на основе равенства всех перед законом.

Но всегда есть соблазн: власть, которая необходима для исполнения миссии, превратить в самоцель. Или усилить государство за счет манипулирования законом, продолжить феодальную российскую традицию распоряжения властью, исходя из убеждения, что в России иначе нельзя. Этот выбор был задан В. Путину объективно, и с самого начала существовала опасность, что, даже правильно декларируя цели, президент перед лицом трудностей, реальных или мнимых, станет шаг за шагом уклоняться от них; или медлить, стараясь достичь общественного консенсуса там, где надо брать ответственность на себя; или прибегать к средствам, которые исключают достижение целей.

В докладе показано, что если первые две задачи, как представлялось в то время, получили нужный импульс, то с третьей – не все ладно. Я назвал ее «третьей корзиной», вспом-

нив, что так назывался посвященный гражданским правам и свободам раздел Хельсинкского заключительного акта о безопасности и сотрудничестве в Европе, подписанного в 1975 году.

И с «третьей корзиной» у нового лидера России проблемы возникли почти сразу. Первая ласточка – дело Андрея Бабицкого. Затем пошли и другие события, в том числе выяснение отношений с крупным бизнесом. Уже тогда В.В. Путин в интервью газете *Le Figaro* сказал, что государство уже взяло в руки дубину и пустит ее в дело, если будут злить.

Тогда, по совокупности фактов, я мог сказать, что разделяю основные цели программы Путина и только выражаю некоторые опасения относительно того, как он собирается ее выполнять. Теперь многое стало гораздо более ясным. Но не более простым.

Именно столкновение задач политической стабилизации, оставленных предыдущим правлением, с соблазнами авторитаризма, усиливающимися по мере того, как эти задачи решались, во много определяет, на мой взгляд, содержание президентства В. Путина. Отсюда мои тревоги, столь привычные для российского интеллигента. Поэтому название этого доклада и вынесено в название книги.

Как показали события, тревоги были не напрасны. Я далек от того, чтобы упрощать процесс становления рыночной демократии в России, и полагаю, что реально на это потребуется много времени, жизнь одного-двух поколений.

Прочитую Е. Гайдара, с которым я полностью согласен. «Давно известно, что аграрные общества с низким уровнем доходов, доминирующей долей неграмотного населения, живущего в деревне и занятого сельским хозяйством, традиционные монархии, реже авторитарные режимы; что высокоразвитые постиндустриальные общества – в подавляющем большинстве случаев устойчивые демократии; что перемены, связанные с индустриализацией, урбанизацией и широким распространением образования, – именно то, что порождает политическую нестабильность. Именно на этот промежуточный уровень развития приходится время молодых нестабильных демократий, социальных революций, неустойчивых авторитарных режимов»¹. Мы на этом промежуточном уровне. Дай бог проскочить. А ведь можно застрять в очередной авторитарной яме, и тогда прощай мечты о процветании не хуже других.

¹ Гайдар Е. Могильщикам либералов // Еженедельный журнал. 2004. № 15. С. 27.

Бизнес и власть

Второй раздел сборника включает публикации, в основном связанные с событиями вокруг ЮКОСа. Я убежден, что это не изолированный случай, а тревожный сигнал, требующий реакции со стороны общества. Именно этим объясняется моя активная отрицательная реакция на действия властей против ЮКОСа начиная с ареста П. Лебедева. Я, как известно, не одинок, но правда и то, что большинство граждан поддерживают власть. Это и тревожит, ибо общественные настроения, даже если они инициированы властью, отражают состояние институтов, ценностей и способности людей здраво судить

о своих собственных интересах, руководствуясь не только эмоциями и предубеждениями, но и разумом.

Нет смысла останавливаться на отдельных публикациях второго раздела, это в основном статьи в газетах, выступления и интервью. Более важно, видимо, разъяснить, почему я придаю такое значение одному событию, точнее, травле одной корпорации. Может быть, власти действуют верно, пусть даже с погрешностями против буквы закона, а поддержка народом их действий и есть критерий их правильности? Напомню аргументы власти, которые с определенного момента оглашал сам президент, как бы взяв на себя функции спонсора команды силовиков как стороны обвинения.

1. Против владельцев ЮКОСа выдвинуты серьезные обвинения в мошенническом захвате государственной собственности в период приватизации, а также в уклонении от уплаты налогов, корпоративных и частных.

2. Законы равны для всех, и, привлекая к ответственности самых богатых, власть показывает, что для закона нет неприкасаемых.

3. Обвиняемые опасны для общества, а кроме того, могут покинуть страну, чтобы избежать наказания. Поэтому их следует содержать под арестом не только во время следствия, но и после его завершения, до самого суда.

4. Выступления в прессе в защиту владельцев ЮКОСа оплачены обвиняемыми, отсюда такая реакция прессы на действия властей. Нормальные люди эти действия не могут не поддерживать.

5. Государство не будет пересматривать итоги приватизации, разве только в исключительных случаях. Только пять-семь человек были «назначены» миллиардерами, и им позволено было нарушать закон. К ним претензии возможны, но, разумеется, в рамках закона.

6. Если власть не решится на действия против олигархов с целью добиться их подчинения законам, если она не прекратит разнузданное использование денег для покупки депутатов и коррумпирования госслужащих, нам никогда не вырваться из ловушки, не добиться единых для всех законности и правопорядка.

Было бы легче критиковать власть, если бы в каждом из приведенных тезисов не было доли правды. Однако невооруженным глазом в них видна и изрядная доля лукавства. Попробуем возразить.

1. Обвинения выдвинуты, но не доказаны. В открытом и состязательном судебном процессе доказать их было бы крайне трудно, а то и невозможно. Все действия осуществлялись в пределах закона. Пусть на грани закона, пусть эти люди заслуживают морального осуждения – не спорю, нравы бизнеса эпохи первоначального накопления были крутыми. Но доказать незаконность действий обвиняемых будет трудно. А если докажут с легкостью, значит, суд подконтролен обвинению.

2. Верно, законы должны быть равны для всех, в том числе для богатых. Но тогда почему судят не всех? Ведь все предприниматели действовали примерно так же, а взяли

этих. Видимо, потому, что они захотели стать прозрачными, приобрести приличную репутацию и в этом стали подавать пример другим.

3. Что обвиняемые опасны для общества – ложь. Содержание под стражей после завершения следствия просто противозаконно. Напрашивается мысль о том, что это мера устрашения.

4. Да, возможно, кого-то владельцы ЮКОСа и купили. Но очень многие голоса, в том числе и мой, были голосами искреннего протеста против действий властей. Я открыто говорю: никаких обязательств перед М. Ходорковским я не имел. Более того, когда появилась его известная «малява», письмо о кризисе либерализма, я публично высказал свое негативное отношение к его содержанию. Я также не заподозрил бы в ангажированности таких людей, как Л. Алексеева или А. Симонов. Их позиция должна бы заставить власти задуматься.

5. Возможно, сегодня государство не намерено пересматривать итоги приватизации в массовом порядке, но Путин так ни разу и не сказал: «Без всяких исключений». А этого достаточно, чтобы свести на нет любые заверения. Право частной собственности в России поставлено под сомнение, ибо власти оставили себе лазейку, чтобы при желании напасть на непослушных.

6. Власть должна решиться на то, чтобы крупный бизнес был поставлен в рамки закона. Это несомненно. Вопрос, однако, в том, какими методами. Законными методами – обязана. Если с нарушением закона, даже прикрытым юридическим крючкотворством, значит, власть уподобляется своим незаконопослушным оппонентам, использует неоправданное насилие в собственных интересах, чтобы продемонстрировать силу и внушить страх. Тем самым она продолжает и укрепляет российско-византийскую традицию распоряжения властью, в которой произвол начальства выше закона. И если это так, то неважно, кого поддерживает большинство населения – любимого президента или горстку «эксплуататоров, обобравших народ». В данном случае важен не приговор большинства, а приговор истории, произнесенный хотя бы одним человеком.

Помню, в 1960-е годы в США А.Ф. Стоун издавал еженедельник *Minority of One* – «Меньшинство в один голос». У нас его публикации нередко перепечатывал журнал «За рубежом» – тогда для большинства единственное окошко в большой мир. Там было принято выслушивать «майнорити оф уан»: кто его знает, кто в конечном счете окажется прав... А у нас не было принято ни тогда, ни сейчас. Если и дают сказать, то с такой миной, будто вот-вот заткнут рот. Что уже и было сделано ранее с федеральными телеканалами.

Интересно, что опубликованная в сборнике заметка «Что говорят в ноябре», написанная для «Известий» вслед трем другим, уже не была напечатана новым главным редактором. Еще одна статья, «Бизнес и власть: весна-2004», написана на основе раздела доклада, подготовленного по заказу уважаемой зарубежной организации, которую я не назову. Так вот, эта организация настояла на том, чтобы раздел из доклада был снят по соображениям, думаю, политкорректности. Как говорит Владимир Познер, такие у нас нынче времена.

В том-то и дело, что случай с ЮКОСом встал в ряд с другими случаями, свидетельствующими о сползании власти в традиционную для России авторитарно-бюрократическую колею, об опасности утраты демократических завоеваний 1990-х. Что большинство не возражает против этого, не так важно: речь идет не о сиюминутных колебаниях политической конъюнктуры, не о настроениях, но о будущем страны.

На выбор – два альтернативных пути развития и два варианта политики: 1) ехать по колее управляемой демократии, перерастающей в авторитаризм, – и тогда развитие по инерционному сценарию, жизнь в бедности и зависти, при нарастающем отставании от стран, пересиливших себя в изживании архаичных институтов;

2) выбиться на путь демократического развития, пусть не такого быстрого, не успевающего к намеченной дате, но верно сулящего свободу, доверие, солидарность и, как следствие, процветание.

Вместо заключения я счел целесообразным включить в сборник статью «Что с нами было, что с нами будет», оставшуюся практически недоступной читателю. Опубликована она только в малотиражном альманахе «Апрель», который с трудом издают литераторы демократического направления конца 1980-х годов объединенные в одноименный союз. Мне кажутся любопытными те размышления, которые в ней содержатся.

Настоящее – миг между прошлым и будущим. Будущее вырастает из прошлого. Если вглядываться в то, что происходило три, пять или десять лет назад, можно многое понять относительно того, что нам предстоит. С этими словами я предложу читателю прочесть то, о чем писал.

1998–2002

Поражение или отступление? Российские реформы и финансовый кризис

Вступление

Экономический клуб основан в октябре 1998 года как профессиональное объединение экономистов преимущественно либеральных взглядов, в том числе тех, кто в 1992–1998 годах работал непосредственно в правительстве и Центральном банке.

Прежде всего, Клуб дал возможность продолжать общение людям со сходными представлениями об экономике и экономической политике России, с близким пониманием сути переживаемого страной переходного периода от плановой экономики к рыночной и обладающим в то же время высокой квалификацией.

После 17 августа период либеральных экономических реформ в России закончился. Точнее, закончился период пребывания сторонников таких реформ во власти, хотя многие из этих сторонников полагают, что по крайней мере с 1993 года никаких реформ в России не было.

Не будем спорить. Факт, что все эти люди оказались в оппозиции. Но они и в этом новом положении намерены добиваться воплощения своих идеалов.

Как бы ни оценивать конкретные опыты применения либеральных идей в нашей стране в последние годы, всех членов Экономического клуба объединяет убеждение, что только эти идеи, только либеральная политика (понятно, с разумными ограничениями) способны вытащить Россию из системного кризиса как следствия длительного коммунистического эксперимента. Россия в нашу эпоху обречена с либерализмом, ибо слабое и дорогое государство мало что может дать, кроме свободы. И только свобода может сделать его сильным и относительно недорогим.

Введение

То, что после 17 августа 1998 года переживает страна, – это всенародная беда. Люди не думали, что когда-нибудь им придется переживать ее снова. Финансовый кризис – за этими учеными словами стоит рост цен, превращающий заработки и пенсии в нечто мизерное, еще одна (третья на протяжении десяти лет) утрата личных сбережений. Пустые полки магазинов в августе-сентябре напомнили о не столь давнем, унижительном, невыносимом прошлом. Затем ситуация как будто стабилизировалась, но ожидания новых потрясений все сильней.

И вот с парламентской трибуны, со страниц газет и журналов слышны голоса: «Ага, мы вас предупреждали о гибельности курса реформ, мы знали, что этим кончится».

Иная версия: нужны были другие реформы, которые не принесли бы народу разочарования в рыночной экономике и демократии[^] которых было бы человеческое лицо. Во всем виновны плохие реформаторы, заведшие нас в болото.

Сложилось преобладающее общественное настроение: надо сменить курс.

Зюганов неустанно повторял это как магическое заклинание. Правда, никогда ни слова не сказал, что же имеется в виду: то ли вернуться назад, то ли двинуться вбок... Теперь он может быть удовлетворен: либералы удалены из правительства, второе лицо в нем, опреде-

ляющее экономическую политику, – его товарищ по партии. Уж он-то курс поменяет как надо.

Финансовый кризис, таким образом, привел к острейшему за последние годы политическому кризису, итогом которого стало устранение от власти практически всех сторонников реформ.

Крупнейшее поражение реформаторов, казалось бы, стало фактом. Поражение ли?

Что же все-таки произошло и происходит? Повинны ли в кризисе рыночные реформы? Что с ними будет дальше? Что надо делать и что реально будет делаться в ближайшие месяцы?

Эти вопросы необходимо обсудить и сторонникам реформ, многие из которых чувствуют себя в нокдауне, и правительству, которое все еще разрабатывает свою политику, новый курс.

Три исходных тезиса

Предлагаю непопулярную идею: разобраться по существу.

За основу возьму три тезиса, которые, как мне кажется, признает большинство здравомыслящих людей.

Первый тезис. Рыночные реформы были необходимы. Коммунистическая экономика представляла собой исторический тупик, я бы даже сказал, западню, из которой надо было выбираться любой ценой.

Второй тезис. Путь из западни не мог быть легким. Более того, в России и в остальных странах бывшего СССР он должен был даваться много труднее, чем другим. Мы в западню забрались глубже, накопили больше деформаций, больше ресурсов вколотили в амбиции сверхдержавы. Больше изуродовали народное сознание.

Третий тезис. Рыночные реформы, даже если они начинались при всеобщей поддержке населения, вследствие связанных с ними испытаний рано или поздно должны были привести к росту недовольства в обществе, обращенного прежде всего на тех, кто эти реформы проводит. И произойти это должно было независимо от того, как осуществляются преобразования – быстро или медленно, хорошо или плохо с точки зрения организации исполнения.

1. Реформы ни при чем

Опираясь на эти тезисы, утверждаю: вопреки распространенному мнению, нынешний финансовый кризис с рыночными реформами практически никак не связан. Ну, если только не считать, что подобные кризисы бывают только в рыночной экономике и что реформы привели к ее созданию в России.

1.1

Доводы оппонентов

Однако оппоненты думают иначе, и надо выслушать их доводы, тем более что сегодня они – власть. Их логика примерно такова.

1. Именно либерализация цен вкупе с открытием российской экономики обусловили глубокий спад производства, вытеснение отечественных товаров с внутреннего рынка. А отсюда – сокращение доходов и налоговой базы, отсюда – бюджетный кризис.

2. Монетаристская политика, видящая самоцель в подавлении инфляции посредством ограничения денежной массы, привела к тому, что экономика испытывает нехватку денег,

процветают неплатежи, денежные суррогаты, бартер. Из-за этого не платятся налоги, усугубляется бюджетный кризис. Нет доходов – приходится брать займы. Не будь этого, не пришлось бы строить пирамиду ГКО, не случился бы и финансовый кризис.

По сути, главный грех монетаристской политики многим видится в том, что правительство отказалось от эмиссии как способа покрытия бюджетного дефицита и перешло к неинфляционным методам его финансирования, то есть к займам, которые, как ожидалось, заставят нас быть более дисциплинированными и ответственными. Займы нас и погубили.

3. «Грабительская приватизация по Чубайсу» обманула ожидания народа, большинство не получило ничего. Одновременно образовался слой сверхбогатых, «новые русские», которые захватили самые лакомые куски. Олигархи стали влиять на власть в своих корыстных интересах. А самое главное, эффективные собственники не появились. Бывшие государственные богатства растаскиваются по частным карманам, экономика уходит в тень, ресурсы утекают за рубеж. И это опять же приводит к неуплате налогов, бюджетному дефициту, пирамиде заимствований и к нынешнему кризису.

Я постарался объективно изложить логику оппонентов. Напомню: именно либерализация, приватизация и финансовая стабилизация составляли содержание первого этапа реформ. Это три его ключевых слова. И изложенные соображения кажутся на первый взгляд убедительными. Если же они верны, то, действительно, нынешний кризис – следствие реформ или их неверного курса. К счастью, это не так.

1.2

Встречные аргументы

1.2.1

Либерализация

Опираясь на первый из перечисленных постулатов о неизбежности перехода к рынку, мы должны признать, что спад производства, обусловленный, как утверждают, либерализацией цен и открытием экономики (это, кстати, абсолютно необходимые составляющие перехода к рынку), был вызван на самом деле не ими, а прежде всего деформациями плановой коммунистической экономики.

Как минимум 40 % ВВП СССР составляла военная продукция и то, что непосредственно требуется для ее производства. Сейчас – не более 5–8%. Разница – сокращение военного производства – дает не менее 25 % из общего 50-процентного снижения ВВП за годы реформ. Еще не менее 10–15 % дает сокращение продукции потребительского назначения низкого качества и негодного ассортимента, которую брали только из-за отсутствия выбора: взрывающиеся телевизоры, «детдомовская» обувь (ее, между прочим, на душу населения мы производили больше всех в мире).

Выходит, на долю всех иных факторов, в том числе реформ, приходится не более 10–15 % спада, как и в других странах.

Напомню о выступлении на XIX партконференции 1988 года Л.И. Абалкина, ныне одного из наиболее последовательных критиков так называемых «радикальных реформаторов». Тогда он вызвал аплодисменты зала, сказав, что невозможно совместить качественные изменения (читай: реформы) и количественный рост. Очень даже верно!

Но спад оказался слишком велик?! Если разобраться без эмоций, то не слишком, ибо конкурентоспособной продукции мы производили не более 15–20 % общего объема, включая природные ресурсы и вооружения. И потеряли рынки, на которых брали наше не лучшее в мире оборудование. Отнюдь не вследствие реформ.

Особо надо сказать об открытии экономики. Действительно, импорт заполнил наши рынки. Но ведь именно он позволил в кратчайшие сроки насытить их, преодолеть мучивший страну товарный дефицит, подорвать монополизм, столь характерный для советской экономики. Кстати, импорт давал в последние годы до трети всех доходов федерального бюджета.

В целом, конечно, налогооблагаемая база из-за спада производства сократилась. Но раз это было неизбежно вывод один: расходы надо приводить в соответствие с доходами. Если бы мы это сделали, либерализация никак не повлияла бы на нынешний кризис.

И еще одно. Вред либерализации усматривают в том, что государство самоустранилось от регулирования экономики. Одно из немногих недвусмысленных заявлений Е.М. Примакова по экономической политике, сделанное в октябре на съезде промышленников и предпринимателей, звучало так: позиция «рынок все решит» не оправдалась. Спонтанно дееспособные субъекты рынка возникнуть не могут². Последовали дружные аплодисменты. Все поняли сказанное одинаково: государство отныне будет поддерживать предприятия.

Как поддерживать – давать субсидии, списывать долги? Утверждаю: под давлением многочисленных лоббистов (правда, в убывающем масштабе) это делалось, причем сверх возможностей. А вот роль государства в исполнении законов, в обеспечении дисциплины контрактов, в наказании несостоятельных должников была действительно слабой. Хотя именно это в первую очередь требуется от государства в свободной рыночной экономике.

Все эти годы государство было большим и слабым. Большим, ибо брало много обязательств; слабым, ибо неспособно было их выполнять. На этом направлении либеральные реформы продвинулись очень недалеко, встречая отчаянное сопротивление прежде всего со стороны тех, кто ныне настаивает на усилении роли государства.

Так что не реформы надо винить, а их отсутствие. И тех, кто им противился.

1.2.2

Монетаризм

Монетаристскую политику кто только не крыл – от советских академиков до Ю.М. Лужкова. Говорят, денег не хватает, не удовлетворяется спрос на деньги. На какие деньги? Уточним: на рубли, это важно.

Возьмем учебник по макроэкономике для 1-го курса (конечно, не тот, по которому учились профессора и академики моего поколения). Там написано, что при высокой инфляции спрос на деньги, точнее, на национальную валюту, падает. От рублей бегут. При этом снижается отношение рублевой денежной массы (например, агрегат M2) к ВВП. Там же говорится, что различные функции денег могут исполняться разными инструментами – от товаров, эквивалентом которых деньги выступают, до твердой иностранной валюты и различных денежных суррогатов. При этом владельцы активов, если могут, оказывают предпочтение тем инструментам, которые по соотношению плюсов и минусов в данных условиях оказываются более выгодными и надежными.

Если не хватает денег на уплату налогов или выплату зарплаты, это еще не значит, что спрос на деньги больше предложения. Если с увеличением предложения денег начинают расти цены или на валютном рынке падает курс национальной валюты, это означает, что спрос на нее реально ниже предложения, даже если налоги и зарплаты не выплачиваются. А может быть, именно потому нет спроса на деньги, что налоги и зарплату можно не платить и тебе ничего за это не будет. Спрос на национальную валюту зависит также и от способности государственной власти обеспечить законность и защиту прав участников хозяйственных

² Известия. 1998.21 октября.

отношений. У нас в реальной сфере деньги не держатся, утекают, это факт. Значит, на них нет спроса.

В России уровень монетизации оказался ниже, чем в других странах, в том числе с переходной экономикой, потому что процесс финансовой стабилизации при очень высокой исходной инфляции растянулся как минимум на три года, а фактически – на шесть лет. И при этом предприятия, приносящие отрицательную добавленную стоимость, почти не отбраковывались. Действует простой механизм: ослабление денежной политики – рост инфляции – снижение уровня монетизации; для противодействия инфляции денежную политику ужесточают, а затем вновь ослабляют ради поддержки производства и бюджета; далее цикл повторяется. В каждом цикле монетизация снижается. Только в 1996–1997 годах, после введения жесткого регулирования валютного курса, стали расти реальный спрос на деньги, уровень монетизации и объем кредитных вложений в реальную сферу. Финансовый кризис с ноября 1997 года сорвал эти процессы.

Иными словами, ограничение денежной массы в соответствии с реальным спросом на деньги снижает инфляцию и создает предпосылки для увеличения уровня монетизации, насыщения экономики деньгами до нормальных размеров.

Печатанием пустых денег этого добиться нельзя, результат будет противоположный. Затягивание финансовой стабилизации, стремление властей избежать жесткого дисциплинирующего воздействия на предприятия и граждан – вот подлинная причина плохого сбора налогов и низкого реального спроса на рубли. А не реформы вообще и не монетаристская политика в частности.

1.2.3 Приватизация

Единственное, с чем следует согласиться: эффективные собственники пока не появились, не стали повсеместным явлением. А это, несомненно, способствует уходу денег в тень, криминализации экономики. Иной вопрос, могло ли быть иначе в столь короткий период. Альтернатива, которая подразумевается, – не торопиться, оставить в покое госсобственность. Напомню в связи с этим, что Н.И. Рыжков не торопился, а главное растаскивание госсобственности началось при нем, в том числе через аренду с выкупом. Программа приватизации по Чубайсу лишь приостановила растаскивание, ввела процесс хоть в какие-то разумные, законные рамки.

Слов нет, неопределенность прав собственности, слабая их защищенность, отсутствие развитой инфраструктуры поддержки собственности и балансировки частных и общественных интересов, претензии властей предержавших, особенно в регионах, контролировать имущество и финансовые потоки – все это важнейшие дестабилизирующие факторы нашей хозяйственной жизни, которые способствуют недоверию ее участников друг к другу и к государству. Немало было ошибок, их влияние ощущается. Но предположим, не состоялась бы приватизация по Чубайсу, – что, всего этого в переходный период было бы меньше?

И мне не нравились ваучеры. Однако их влияние на глобальные перемены в российской экономике представляется сегодня не столь уж существенным. Зато значительная часть работы по приватизации уже позади, она сделала рыночные преобразования необратимыми. И кто бы ни правил ныне в России, как бы ни крыл он радикалов-приватизаторов, хотя бы втайне он должен подумать: этого мне делать уже не нужно, а пользоваться плодами – могу. Правда, другие втайне думают: было бы государственное, мог бы прихватить. Но против них приватизация и была направлена.

Если же говорить о росте социальной дифференциации, о кричащих противоречиях между богатыми и бедными, то здесь приватизация сыграла совсем малозаметную роль. Главные же факторы таковы: отрицательная ставка банковского процента; льготные кредиты

ЦБ, существовавшие в 1992–1994 годах; пропускание бюджетных денег через уполномоченные банки, а также льготы, квоты и лицензии во внешней торговле на фоне разрыва между внутренними и мировыми ценами на продукты российского экспорта. По оценке Андерса Ослунда, на долю этих факторов приходится 90–95 % всех разворованных государственных средств.

Но это как раз то, с чем боролись реформаторы и что защищали многообразные лоббисты. Большинство их вышло из старой номенклатуры или теневой экономики советских времен, к ним подключились и некоторые «демократы». Вместе они под шумок реформ ловили рыбку в мутной воде.

Однако при чем здесь реформы? Конечно, вызванная ими ломка социально-экономических отношений не могла не поднять пену, не могла не усилить стремление к корыстному использованию экономической свободы.

Так что, на этом основании прикажете сидеть и ничего не делать?

Вывод: к нынешнему кризису рыночные реформы не имеют отношения. Все, кто говорит: вот вам печальный конец пагубного курса, – мягко скажем, не правы. Определенно, мы имеем дело с результатами затягивания реформ, с их недостаточностью или отсутствием.

2

Истинные причины кризиса

Надо отдать должное нашим СМИ и гражданам, которых они образуют: так причины финансового кризиса на самом деле оценивают немногие. Преобладающее же мнение: государство, уподобившись

Мавроди, выстроило пирамиду ГКО, вот она и рухнула. Считаю объяснение в первом приближении правильным.

Попробуем, однако, раскрыть эти причины более корректно. Постараюсь не очень повторяться, имея в виду, что разъяснений, в том числе вполне разумных, было уже немало.

Мне представляется важным показать, что кризис – результат не чьей-то злой воли или некомпетентности, но стечения обстоятельств, большинство которых сложилось против нас.

Напомню приведенные в начале доклада второй и третий постулаты: в России реформы неизбежно должны были идти трудно и сопровождаться ростом социального недовольства и напряжения. Это было известно заранее.

2.1

Общий план

Теперь восстановим логическую цепь событий, приведших к кризису.

1. Конец 1994 года. «Черный вторник» и решение отказаться от эмиссионного кредитования бюджетного дефицита.

После этого резкого поворота в бюджетной политике необходимо было обеспечить улучшение сбора налогов, сокращение государственных расходов и дефицита бюджета и уже для сокращенного дефицита – переход на его финансирование за счет так называемых неинфляционных источников, то есть внешних и внутренних займов.

Общий план был таков: за год существенно улучшить сбор налогов, а до этого пойти на рост заимствований и государственного долга. (Тем более что тогда государственный долг, не считая внешнего долга бывшего СССР, был не так уж велик – около 15 % годового ВВП против 32 % в 1992 году; с тех пор он обесценился вследствие инфляции.) Если расходы по обслуживанию долга (процентные расходы) не выйдут за пределы лимитов, то можно снизить инфляцию, стабилизировать рубль, снизить процентные ставки. Вследствие этого нач-

нется развязка неплатежей, рост кредитных вложений и оживление производства. За этим последует увеличение налоговых поступлений, возможность рассчитаться по долгам и снизить налоги, придав толчок инвестициям и реструктуризации экономики.

Этот не только вероятный, но практически единственно реальный путь выполнен, однако, не был.

2.1.1 Рынок ГКО

2. Раскручивание рынка ГКО плюс широкое использование КО (казначейские обязательства) и КНО (казначейские налоговые освобождения), гарантии и затем поручительства Минфина по кредитам коммерческих банков на покрытие текущих бюджетных расходов – пик применения этих денежных суррогатов пришелся на конец 1995–1996 год. Две трети налоговых поступлений в бюджет в апреле 1996 года было представлено этими бумажками. Пришлось отрабатывать назад. Снижение выпусков КО и КНО заставило еще больший акцент делать на ГКО.

В 1995 году оборот ГКО вырос в 7 раз, в 1996-м – в 3 раза. Доходность ГКО перед выборами достигала 200 %. В 1997 году произошел рост еще на 52 %, в том числе под требование президента заплатить все пенсии и зарплаты бюджетникам, включая обязательства регионов. Опасность пирамиды к августу 1996 года стала очевидной.

Почему это все же делалось? Да потому, что, зная трудности российского переходного периода и недовольство населения всякими дополнительными испытаниями, находясь к тому же под давлением многообразных лоббистов, любителей наживы за счет бюджета, правительство медлило с решительными действиями, старалось вывернуться, уклониться от последствий своего же правильного решения о прекращении эмиссионного финансирования бюджетного дефицита. Дума противодействовала.

Расходы никто не желал сокращать, решили, что здесь резервов больше нет. Необходимые реформы, способные снизить государственные расходы, которые приходились в основном на социальную сферу, осуществлять никто не хотел. Одинокие энтузиасты были за пределами правительства.

А налоги стали собираться хуже. Попытка дать Госналогслужбе повышенное задание на 1997 год (до 15 % ВВП) была ошибочной. Не было понимания важности организационно-технической работы в этом ведомстве. Не было и реалистичной оценки возможностей улучшения сбора налогов.

Более того. Напомню, что именно в это время развязана чеченская война. Она обошлась как минимум в 8-10 млрд. руб., не говоря о человеческих жизнях и судьбах. Одновременно шла дорогостоящая реконструкция Кремля, строился храм Христа Спасителя и другие стройки века.

ГКО в тот момент оказались самым простым выходом. О последствиях стали задумываться только осенью 1996 года. Приведу цитату из моей собственной записки В.С. Черномырдину, датированной октябрём: «Погасив инфляцию не за счет сбалансированного бюджета, а за счет роста государственного долга, мы только отложили инфляцию». Считаю себя вправе напомнить об этом, поскольку записка (против моей воли) была напечатана в «Независимой газете» (1996.26 ноября).

То, что произошло в августе 1998 года, – это первый взрыв отложенной инфляции.

3. Начало 1997 года: либерализация рынка ГКО, расширение допуска на него нерезидентов. «Горячие деньги» устремляются в Россию. Весной даже возникает опасность усиления инфляции, так как ЦБ эмитирует рубли, чтобы приобрести в резервы десятки миллиардов долларов. К середине лета доля нерезидентов на рынке ГКО достигла 30 %. В итоге доходность упала до 18–20 % годовых, снизились процентные ставки. Экономика задышала.

Намеченный план, казалось, стал осуществляться. Но одновременно выросли и риски, связанные с привлечением «горячих денег». Опыт других стран заставлял насторожиться.

2.1.2

Молодые реформаторы и олигархи

4. Март 1997 года: обновление состава правительства, приход в него А. Чубайса и Б. Немцова, что позволило говорить о правительстве «молодых реформаторов».

Одним из первых шагов нового правительства стал «секвестр» только что с трудом утвержденного бюджета на 30 %. Этот шаг, вызванный ощущением опасности грядущего кризиса, был встречен в штыки практически всеми. Агрессивность «молодых реформаторов», обусловленная и характерами, и острой нехваткой времени, могла принести плоды, если бы они быстро добились важного успеха и получили поддержку не только у президента, но и в обществе. Увы, краткосрочный успех в сокращении задолженности по зарплате и пенсиям, достигнутый как условие дальнейшей поддержки президента, только затянул долговую петлю, заставив отложить решение главных задач по предотвращению кризиса.

5. Июль 1997 года: аукцион по «Связьинвесту» и начало информационной войны олигархов «по полной программе» против Чубайса и Немцова. Повод к войне ныне кажется постыдно ничтожным.

Победили! Итог – пепелище. Главная потеря – исчезло доверие к реформаторам, вера в их порядочность и готовность служить обществу. В то, что они смогут, что им дадут довести дело до подлинного успеха.

6. Осень 1997 года: полный отказ левой Думы (с учетом итогов информационной войны) от сотрудничества с правительством молодых реформаторов. Стало ясно, что надежда наскаком преодолеть сопротивление парламента по Налоговому и Бюджетному кодексам, по земельной реформе, по социальным льготам несостоятельна. Политика бури и натиска, принятая в марте, потерпела неудачу. Альтернативой мог быть новый конфликт с законодательной властью, исход которого представлялся более чем сомнительным. Порыв угас.

2.1.3

Азиатский кризис и смена правительства

7. Ноябрь 1997 года: до России докатываются первые отзвуки азиатского кризиса. Миссия МВФ отказывается одобрить очередной транш займа EFF на том основании, что до сих пор не учитывались растущие долги бюджетных организаций за газ, энергию и тепло, а также что исполнение бюджета оценивалось только по фактическим ассигнованиям без учета роста его долгов. Задержка транша – еще один толчок к потере доверия. Начала расти доходность ГКО – до 40 %. Центральный банк ради поддержки курса рубля отказывается поддерживать рынок ГКО. Процентные ставки поползли вверх. Начинается отток капитала.

Становится ясно, что наметившийся прорыв к экономическому росту не состоится. Напротив, проблема государственного долга, ранее ослабленная притоком «горячих денег» из-за рубежа, теперь из-за них же начнет обостряться.

Роль азиатского, а на деле, как это сегодня видно, мирового финансового кризиса, его влияние на Россию нельзя недооценивать, хотя зерна кризиса легли у нас на удобренную внутренними проблемами почву.

Конечно, если бы мы не впустили нерезидентов на рынок ГКО, то мировой кризис сказался бы на нас гораздо слабее. И все-таки в то время это был, я считаю, вполне оправданный риск. Ведь в начале 1996 года никаких симптомов опасности на мировых финансовых рынках не наблюдалось.

И тем не менее наш кризис можно понять лишь как часть мирового финансового кризиса. Весной 1997 года – крах банковской системы в Чехии; осенью 1997 года – Малайзия и Таиланд; начало 1998 года – удары кризиса настигают Южную Корею, Японию и Индонезию, летом – Россию, затем Бразилию и Аргентину. Во всех этих странах картина кризиса одна:

- резкое обесценение национальной валюты;
- банковский кризис;
- падение капитализации фондового рынка;
- отрицательное сальдо платежного баланса;
- спад производства.

Характерно, что удары кризиса обрушились на развивающиеся рынки, на страны, структура экономики которых страдает существенными ограничениями свободы конкуренции в пользу привилегированных агентов на основе связи власти с крупным капиталом, на страны, в которых сильно вмешательство государства в экономику в интересах определенных групп.

Итог: резкое сокращение потока капиталов на эти рынки, кризис доверия. По оценкам экспертов МВФ, чистый приток капитала на развивающиеся рынки, включая страны с переходной экономикой, снизился с 215 млрд. долл. в 1996 году до 123,5 в 1997 году и, как ожидается, до 56,7 млрд. в 1998 году. В 1999 году прогнозируют рост до 129 млрд. долл. Произошло общее снижение уровня доверия к развивающимся рынкам, среди них и к российскому. Процентные ставки пошли вверх.

Кризис на сырьевых рынках, в том числе нефтяном, что особенно больно для России, также связан с общим кризисом, так как наряду с экономией ресурсов за счет новых технологий последний привел к существенному сокращению спроса на этих рынках.

8. Март 1998 года: президент Ельцин отправляет в отставку Черномырдина и выдвигает на пост главы правительства молодого Кириенко. Интрига, затеянная не знаю кем, на первый взгляд на руку реформаторам. Она должна была, видимо, преодолеть торможение реформ, возникшее вследствие раздоров в правительстве и между «олигархами». Но первым результатом стало появление шанса для левого парламента усилить давление на исполнительную власть. И Кириенко ради своего утверждения, растянувшегося на месяц и закончившегося унижением Думы, вынужден идти на уступки. Уже тогда вхождение коммунистов в правительство стало предрешенным, так как позволяло добиться от Думы сотрудничества.

Вероятно, позднее взрыв все равно произошел бы, даже без смены правительства. Но политическая стабильность, обеспечиваемая прежде тандемом Ельцин-Черномырдин, оказалась подорванной. Кризис доверия усиливался.

9.12 мая 1998 года: сразу после затишья майских праздников начинается обвал на финансовых рынках. По мнению специалистов, помимо правительственного кризиса, ему способствовали заявления председателя Счетной палаты Х. Кармокова о целесообразности одностороннего прекращения платежей по долгам, постановление Думы об уменьшении доли иностранных инвесторов в капитале РАО «ЕЭС», а также банкротство Токобанка, в котором значительная доля принадлежала иностранцам. Затянувшаяся неопределенность с решением по Токобанку усиливала их сомнения в том, что власти будут уважать их интересы. Они заняли жесткую позицию в отношении долгов российских банков и усилили вывод капиталов.

Стремительно растет доходность ГКО, достигая 70–80, потом 100 и более процентов. Правительство предпринимает всяческие меры, чтобы спасти положение, восстановить доверие инвесторов. Готовится и публикуется антикризисная программа, которую все требовали. Начинаются переговоры с МВФ о крупном дополнительном займе, в основном на пополнение тающих валютных резервов, чтобы уравновесить их с краткосрочными обяза-

тельствами и убедить инвесторов в способности России платить по ним. Одновременно каждую среду на очередных аукционах ГКО Минфин вынужден отказываться от размещения новых облигаций из-за их высокой доходности и вместо рефинансирования старых обязательств погашать часть их из бюджета в ущерб запланированным ассигнованиям на самое необходимое. Берем в долг на еврырынке под все более высокий процент, разменивая внутренний долг на внешний. В итоге внешний долг самой России (без СССР) за короткий срок вырастает вдвое.

Переговоры с МВФ идут трудно. Фонд поначалу настаивает на том, чтобы жесткие меры, предпринимаемые для преодоления кризиса, были в качестве знака национального согласия одобрены парламентом. Однако парламент отвергает почти все законопроекты правительства, особенно налоговые. Дальнейшее обострение кризиса доверия сдерживается только слухами о близком соглашении с МВФ по займу на 10–12 млрд. долл.

2.1.4

Последний акт драмы

10. В конце июля заем получен, но только первый транш – 4,8 млрд. долл. Этого мало, но все же правительство и ЦБР ожидали передышки на два-три месяца. Не вышло. Она длилась всего 8-10 дней. Масла в огонь подлила выгодная на первый взгляд операция по конвертации ГКО в евробонды на сумму 20 млрд. руб. из 140 млрд. внутренних обязательств срочностью до конца года. Проблему она не решила, но, поскольку евробонды предлагались уже под 15 % вместо 9 % осенью 1996 года, это послужило причиной еще большего подрыва доверия к русским бумагам. Отдача очень скоро почувствовалась и на рынке ГКО – их доходность вновь устремилась вверх.

Все трудней становилось удерживать курс рубля. Резервы таяли. Заклинания денежных властей о том, что девальвации не будет, были призваны не допустить паники, но сталкивались с апокалиптическими заявлениями экспертов. Сорос, Илларионов, Нарзикулов с Кошкаревой внесли свой вклад.

Настало время принимать крайние меры, поскольку стало ясно, что дальше удерживать ситуацию бессмысленно. Кризис переходил в открытую фазу.

Из сказанного видно, что в основе кризиса лежит проводившаяся с 1994 года бюджетная политика – нерешительная и безответственная. Доходы бюджета все меньше соответствовали обязательствам государства, разрыв заполнялся заимствованиями.

Если бы не осложнения на мировых рынках и не повышение доходности ГКО более 20 %, была теоретическая возможность за два-три года радикально поправить ситуацию, сводя бюджет с первичным профицитом и гася задолженность при минимуме новых займов. Такого рода планы разрабатывались с осени 1997 года. Но поздно – действовать надо было минимум на год раньше. Да и не повезло.

3

17 августа

Сейчас по поводу людей, подписавших документы 17 августа 1998 года или принимавших участие в их подготовке, предпринята кампания дискредитации и шельмования. Одни говорят: никто из них не должен остаться при власти. Другие: надо разобраться с их преступлениями. Вновь, как в 1994 году, привлекают прокуратуру. Сам Е.М. Примаков позволил себе сказать: «В любом случае 17 августа на совести так называемых реформаторов. Это они

подкосили банковскую систему России, наплевали на свои международные обязательства и ввели мораторий в одностороннем порядке»³.

Моя позиция иная: я считаю, что, хотя принятые решения весьма далеки от совершенства, а порой просто топорны, мы все должны выразить признательность этим людям за мужество, за то, что они взяли на себя колоссальный груз ответственности, приняли на себя удар. Они дали возможность новому правительству все валить на них, пользуясь, однако, теми выгодами, которые ему давали августовские решения. Если это было не так, то почему же, следуя совету А. Шохина, новое правительство не отменило ни одного из них? На самом деле эти решения, при всех тяжелых последствиях, избавили страну от иллюзий, поставили ее на почву реальности, намного менее приятной, чем нам казалось.

3.1

Краткосрочные последствия

Тем не менее негативное воздействие этих решений, усиленное отставкой правительства Кириенко 23 августа, было крайне серьезным. Решение о расширении валютного коридора, или либерализации валютного курса, практически привело к крупнейшей девальвации рубля (к середине ноября покупательная способность снизилась в 2,7 раза вместо 15 %, на которые рассчитывали), а также к затянувшейся почти на месяц неопределенности на валютном рынке. Краткосрочные последствия были существенными: расстройство системы платежей и расчетов, остановка потоков импорта, скачок цен на 45 % за первые полтора месяца, ажиотаж на потребительском рынке, опустошивший полки магазинов и напомнивший недавнее печальное прошлое. «Общая газета» поместила фото пустых полок с комментарием: реформаторы грозили этим, если к власти придет оппозиция. Оппозиция не пришла...

И все же следует признать, что это решение было неизбежно и даже серьезно запоздало. Попытки удержать стабильный курс рубля и не допустить упомянутых последствий стоили около 9 млрд. долл. из валютных резервов, а также увеличения масштабов и эффекта девальвации.

Либерализовать курс надо было не позднее 1 января, когда кончалось действие старого валютного коридора, и перейти на плавающий курс. Принятое решение, казалось бы, было близко к этому: 6-20 рублей за доллар плюс-минус 15 % на три года. Но фактически курс держали в гораздо более узком диапазоне, мотивируя это, в частности, стремлением поддержать банковскую систему, которой девальвация грозила значительным ростом валютных обязательств в рублях.

Конечно, будь это решение принято раньше, раньше проявились бы и его негативные последствия. Но они, видимо, были бы не столь ощутимы и, по крайней мере, не совместились бы с дефолтом.

Дефолт, или одностороннее решение о реструктуризации внутреннего долга (по ГКО-ОФЗ), особенно серьезен в отношении своих среднесрочных последствий. Последние недели перед кризисом Минфин практически утратил возможность перефинансировать долги за счет новых заимствований. Примерно два месяца практически все денежные доходы бюджета уходили на незапланированное погашение ГКО, от 3 до 6 млрд. руб. каждую неделю. При этом почти приостановилось финансирование бюджетной сферы, армии и т. д. Камчатка сейчас наточке замерзания потому, что тогда не было денег на завоз топлива. Дефолт стал фактом, тянуть с его признанием означало лишь усугублять проблему. Альтер-

³ Известия. 1998.20 ноября.

натива существовала одна: монетизация долга, то есть печатание денег, притом в крупных масштабах. На это идти было нельзя.

Конечно, следовало бы делать все цивилизованно, давно приступив к переговорам по реструктуризации долга. Саму схему реструктуризации надо было заблаговременно проработать, не боясь самим себе признаться в неотвратимом и не бросая ее *post factum* в сыром виде на Б. Федорова, назначенного для этого вице-премьером. Все выглядело дурной импровизацией, усиливая недоверие к любым действиям властей.

Итог: паника среди вкладчиков, нанесшая серьезный урон ряду различных банков; разрушение рынка госбумаг; утрата важнейших возможностей макроэкономического регулирования, стерилизации эмитируемой денежной массы. Самое печальное, что все ожидавшиеся позитивные моменты дефолта (например, возобновление бюджетных ассигнований хотя бы на заработную плату бюджетникам и военным или сокращение предстоящих выплат по обслуживанию долга в 1999 году) оказались сведены на нет. Возобновить в полном объеме плановые ассигнования оказалось невозможным, так как кризис вызвал резкое падение сбора налогов, практически эквивалентное месячным расходам на эти цели (около 6 млрд. руб.).

Сокращение же предстоящих выплат по ГКО-ОФЗ (оно планировалось в 1999 году на 30 млрд. против 80 млрд. без дефолта) в значительной мере оказалось съеденным в переговорах, которые затем все равно пришлось вести с инвесторами по реструктуризации долга.

Короче говоря, все было сделано далеко не лучшим образом. Все же справедливости ради нужно признать, что даже оптимальные действия в сложившихся обстоятельствах не дали бы намного лучших результатов.

Мораторий на выплату долгов нерезидентам в течение 90 дней также ныне осуждается. А я бы признал его по меньшей мере наименее вредным, а скорее – самым разумным из решений 17 августа. Впрочем, это стало достаточно очевидным после того, как срок моратория истек: все же оставалось время, чтобы попытаться спастись, найти деньги, договориться с кредиторами. Другое дело, что возможности эти использовали лишь в незначительной степени.

Так или иначе, но в течение примерно полутора-двух месяцев краткосрочные последствия кризиса были отчасти преодолены. Цены в октябре-ноябре выросли на 4,5 % и 5,7 %, курс стабилизировался на уровне 15–17 рублей за доллар. Восстановилась торговля, хотя импорт серьезно упал и ассортимент обеднел. Сказалось действие рыночных сил, а также достаточно эффективные действия Центробанка по восстановлению платежей и стабилизации валютного рынка. Деятельность нового правительства тоже можно оценить как удовлетворительную: оно, несмотря на риторику об усилении роли государства, почти ничего не делало такого, что могло сразу дать отрицательный эффект. Например, не торопилось печатать деньги в опасных количествах.

3.2

Три угрозы в среднесрочной перспективе

С чисто экономической точки зрения решения 17 августа имели большей частью краткосрочные последствия, хотя, конечно, скачок цен и потери денег в проблемных банках будут еще долго ощущаться и населением, и предприятиями.

Тем не менее это замечание имеет смысл, так как те угрозы российской экономике, с которыми она будет сталкиваться в среднесрочной перспективе, обусловлены отнюдь не столько обострившимся кризисом, сколько более глубокими причинами, имеющими более длинную историю.

Мы рассмотрим три главные среднесрочные угрозы:

- 1) инфляция;
- 2) кризис банковской системы;
- 3) дефолт по внешнему долгу.

3.2.1 Инфляция

С точки зрения перехода к рыночной экономике финансовый кризис 1998 года означает срыв третьей, наиболее успешной, как казалось, попытки финансовой стабилизации. О причинах сказано выше.

Сейчас речь идет о том, насколько серьезным будет этот срыв, какую он вызовет инфляцию. Первый взрыв, вызванный падением рубля и ростом цен на импортные товары, остановлен, поскольку до последнего времени ограниченными были масштабы эмиссии. Если бы от нее удалось совсем удержаться, то финансовый кризис мог стать эпизодом с печальными, но ограниченными последствиями. Уже через полгода – год страна вернулась бы к ситуации лета 1997 года и могла бы продолжить поступательное движение.

Но так уже, видно, не получится. На IV квартал правительство испросило 25 млрд. руб. на продажу ЦБ нерыночных облигаций. Получено, по словам М. Задорнова, 23,5 млрд.

Здесь учтена, видимо, только эмиссия на покрытие бюджетного дефицита. Кроме того, нужно принять в расчет операции ЦБ по поддержке банковской системы, которые, по моей оценке, уже обошлись примерно в 30–35 млрд. руб., и В.В. Геращенко назвал цифру 10 млрд., полагаю, сверх этой суммы. И еще пополнение валютных резервов: только с момента введения нового порядка валютных торгов ЦБ приобрел не менее 1 млрд. долл., т. е. эмитировал не менее 15 млрд. руб. И будет продолжать, ибо считает эту эмиссию обеспеченной, хотя затем отдает валюту Минфину для расчетов по внешнему долгу.

Итого только до конца 1998 года получается минимум 70–80 млрд. руб., что составляет примерно 45–50 % денежной базы середины августа; расходы все – необходимые. Итог сказался уже в декабре: месячная инфляция достигла 11,6 % против 5,7 %, вдвое больше, чем в ноябре.

На будущий год программа правительства планирует инфляцию 30 %. Оно также обещает жесткий бюджет с первичным профицитом в 1,4 % ВВП. Общее мнение таково, что на деле инфляция в 1999 году будет как минимум вдвое выше. В качестве неблагоприятного рассматривается сценарий, в котором не будет получен кредит МВФ и не будет достигнута реструктуризация внешнего долга, – тогда, по мнению правительственных экспертов, возможна инфляция до 300 %. И я бы добавил, что сбор налогов снизится еще больше против ожиданий правительства.

Если судить по другим решениям правительства, по другим разделам его программы, то напрашивается вопрос: что будет выполняться – жесткий бюджет или другие решения? Совместить их невозможно. А большее смягчение бюджетной и денежной политики в духе преодоления монетаризма грозит гиперинфляцией со всеми вытекающими последствиями. Страна была бы отброшена уже не в 1995, а в 1992 год, только без резервов того времени, истощенная тремя предыдущими попытками стабилизации и лоббистскими усилиями по их срыву.

3.2.2 Банковский кризис

Распространено мнение, что банковский кризис обусловлен дефолтом по ГКО: в ГКО была вложена значительная часть активов крупных банков, и дефолт привел к резкому их обесценению. Это мнение плюс паника среди вкладчиков наши банки и подкосили.

На самом деле ситуация выглядит несколько иначе. До 70 % всех ГКО-ОФЗ принадлежали Центробанку и Сбербанку. Значительную долю держали иностранные инвесторы. Российские частные коммерческие банки также держали активы в ГКО-ОФЗ, и власти действительно просили покупать свои бумаги, а потом не продавать их, чтобы не сломать рынок. Но, кроме того, средства банков были вложены в валютные облигации, считавшиеся совершенно надежными. В начале финансового кризиса, еще задолго до дефолта, эти бумаги вместе с ГКО-ОФЗ резко потеряли в цене. В то же время наши банки активно привлекали ресурсы с Запада в виде синдицированных кредитов посредством форвардных контрактов, в частности под залог российских бумаг. Долги к июлю 1998 года составили 19,2 млрд. долл. против 6 млрд. год назад. Когда обстановка стала накаляться, контрагенты потребовали дополнительных гарантий. Еще раз напомним историю с Токобанком.

Могущество наших крупнейших, так называемых уполномоченных, банков зиждилось либо на «особых» отношениях с бюджетом, с таможней, то есть на возможности «прокручивать» государственные средства, либо на контроле над финансовыми потоками значительных экспортных производств. Казалось, они ко времени кризиса уже напитались соками, даже претендовали на политическое влияние. Однако под ними не было серьезной основы, поскольку от бюджета их постепенно отваживали, а реальная сфера была в глубоком кризисе. Она не давала банкам кредитных ресурсов и не могла привлечь кредиты из-за своей низкой платежеспособности.

Банки, кредитовавшие предприятия, либо устанавливали над ними контроль, либо терпели убытки. Для них условием процветания было держаться подальше от реальной сферы и поближе к бюджету. Изменить положение могли только основательная реформа предприятий и окончательная финансовая стабилизация. А на это требовалось много времени и усилий, в том числе со стороны самих банков, по выращиванию клиентов. Экспансия ГКО если и нанесла банкам ущерб, то прежде всего тем, что минимум на два года позволила им не заниматься активно этой работой, избегая и собственного оздоровления.

Об этом знали все. Однако болезненная реструктуризация банков, даже установление над ними более основательного надзора встречали сопротивление. Некоторые банки вообще считались неприкасаемыми за «заслуги» перед властью.

Таким образом, банковский кризис все равно был неизбежен, события 17 августа разве что дали ему толчок. План реструктуризации банковской системы, предложенный новым руководством ЦБР, вызывает сомнения. Из двух компонент, которые обязательно присутствуют в таком плане, – ужесточение требований к банкам и меры поддержки, включая финансирование их рекапитализации, – предпочтение, как представляется, отдается вторым. Причем поддержка так называемых системообразующих банков и привилегированных банков в регионах грозит воспроизведением докризисной ситуации, остановкой естественного процесса замещения больных банков здоровыми и, стало быть, новым кризисом.

Сейчас, однако, пока тот или иной план не реализован и банковская система не встала на ноги, мы находимся перед угрозой остаться вообще без нее. Ситуация такова, что в целом банковская система, с учетом всех ее обязательств, имеет отрицательный капитал. Доверие к ней надолго подорвано. Необходимое оздоровление будет вновь создавать проблемы для клиентов банков. Рекапитализация возможна лишь за счет привлечения иностранных инвесторов или посредством эмиссии, которая сама представляет серьезную угрозу.

3.2.3

Реструктуризация внешнего долга

Известно, что правительство по внешним долгам в 1999 году должно заплатить 17,5 млрд. руб. В этом году не справимся, это уже признано официально. Но на ближайшие годы ситуация не лучше.

Последствия приостановки платежей по внешним долгам (это уже точно банкротство страны) столь серьезны, что о них лучше не говорить. Есть специалисты, полагающие, что и это переживем, что нам снова, в третий раз (как в 1992 и 1998 годах), пойдут на уступки. Однако не стоит заблуждаться на сей счет. Я полагаю, что на перспективах подъема российской экономики, невозможного без иностранных кредитов и инвестиций, в этом случае надо ставить жирный крест минимум на пятнадцать-двадцать лет. Для нас это подобно катастрофе. Все разговоры об опоре на собственные силы, имеющие хороший взбадривающий эффект, пусты, ибо после десятилетнего кризиса экономика нуждается в полном обновлении с использованием лучших мировых достижений, а не только доморощенных находок.

Следовательно, договоренности о реструктуризации долга нет альтернативы. Она возможна в том случае, если будет достигнуто соглашение с МВФ по бюджету, денежной программе и структурным реформам. Пока нет никаких оснований думать, что такое соглашение будет легким. Пока мы только описали им ужасы, которые последуют за их отказом.

Более того, переговоры следует вести не только о 1999 годе, но о длительной перспективе. До 2015 года России придется, даже если больше ничего не занимать, выплачивать в среднем 12–15 млрд. долл. в год. Это примерно 10 % от ВВП 1998 года и половина доходов федерального бюджета, около 40 % национального накопления. Если будут сохранены условия обслуживания внешнего долга СССР и самой России, существующие ныне, то наша страна на весь этот период лишится перспектив экономического роста.

До сих пор мы занимали, не особенно задумываясь о расплате. Теперь пора задуматься и вместе с кредиторами искать решения, которые определяют судьбу страны на десятилетия вперед. Они должны ясно понимать, что вернуть им долги может только страна, вставшая на ноги, имеющая сильную экономику, в которой будет невозможно развитие событий по сценариям Румынии 1989 года или Германии 1933 года. И для подъема экономики нам нужны будут новые крупные кредиты и инвестиции.

Отсюда следует, что переговоры о реструктуризации долга должны опираться на сильную переговорную позицию. Для этого надо иметь программу, убедительную для кредиторов, обеспечивающую продолжение реформ и подъем экономики, причем поддержанную всеми ветвями власти российского государства. Возможно ли это?

3.3

Позитивные стороны кризиса

Нет худа без добра – эта пословица весьма уместна в отношении нынешнего финансового кризиса. Он явно может иметь существенное оздоравливающее воздействие.

Во-первых, кризис навязывает нам реструктуризацию банковской системы, которая сделает банки более активными и осторожными, снимет с них жирок, копившийся благодаря ГКО и другим способам использования трудностей бюджета. Сжатие рынка госбумаг заставит банки обратиться к реальной сфере.

Во-вторых, опасность чрезмерного политического влияния олигархов в значительной мере снята из-за ослабления их позиций.

В-третьих, весь коммерческий сектор был вынужден поджаться в расходах, он лишился своего чрезмерного превосходства по доходам перед производством. Распределение населения по доходам теперь должно стать более справедливым и равномерным, если не будут созданы новые мотивы для восстановления прежнего положения.

В-четвертых, девальвация рубля, нанеся удар по банкам, импортопотребляющим отраслям и населению, открыла возможности перед рядом других отраслей отечественного производства.

Это отнюдь не главные экспортные отрасли – не нефть и не газ, поскольку они приобретают много импортного оборудования и материалов и, главное, сильно закредитованы. Кредиты, полученные ими на Западе, в том числе для уплаты налогов, сильно подорожали в рублевом выражении, тогда как цены на энергоносители продолжают падать. Поэтому идея возврата к экспортным пошлинам в этих отраслях, как и в других, с целью привлечения в бюджет дополнительного дохода от девальвации представляется весьма сомнительной.

Но аграрный сектор, фармацевтика, бытовая техника, отчасти легкая промышленность, опирающаяся на отечественное сырье, вообще все отрасли, способные производить конкурентоспособную продукцию для внутреннего рынка и на экспорт, не привлекавшие прежде западных кредитов и располагающие внутри страны базой сырья, материалов, компонентов, получили преимущества примерно на два-три года, которые непременно нужно использовать.

Возьмем аграрный сектор. До августа на рынке продовольствия 25 % занимал импорт. Для такой страны, как Россия, естественная доля импорта – примерно 10 %. Разница – это рынок емкостью около 30 млрд. долл. в год, который должны занять отечественные производители. Не случайно возник вопрос об угрозе голода в России и гуманитарной помощи из США и Западной Европы. Это прежде всего попытка сохранить за собой ранее захваченные рынки, причем с помощью демпинга на государственном уровне, прикрытого оливковыми веточками гуманизма. На самом деле угроза продовольственного кризиса у нас существует, но связана она в основном не с недостатком ресурсов, а с опасностью инфляции, которая может еще больше сократить спрос на продукты питания, особенно качественные, со стороны населения, прежде всего населения крупных городов. Крайне важно привлечь в такие отрасли прямые иностранные инвестиции, тем более что инвесторы понимают перспективность подобных вложений в Россию.

В-пятых, предприятия реальной сферы также окажутся перед необходимостью взяться наконец за реструктуризацию, за налаживание управления, причем на более здоровой основе. Специалисты отметили позитивное влияние девальвации на сближение цен, применяемых в наличных расчетах (в рублях или долларах) и в бартерных и зачетных сделках, что сулит продвижение в борьбе с неплатежами и за монетизацию экономики.

Эти и другие позитивные моменты необходимо энергично использовать, чтобы снова не упустить время. К сожалению, проблемы и угрозы пока перевешивают.

4

Политические последствия

Я убежден, что экономические последствия финансового кризиса и его обострения 17 августа были бы гораздо менее серьезными, если бы президент не отправил в отставку правительство Кириенко, которое такого труда стоило привести к власти. Уж во всяком случае, у нас не было бы таких проблем с МВФ, если бы ранее согласованную программу не отправили в корзину.

4.1. От Кириенко к Примакову

Конечно, коллапсы, подобные 17 августа, положено завершать отставками тех лидеров, при которых они случились. И не только у нас. Но, с другой стороны, совершенно ясно, что Кириенко никак не повинен в кризисе. Более того, именно его правительство предложило реалистичную программу преодоления кризиса и обладало необходимой энергией и компетентностью для ее реализации.

(Вспоминаю анекдот про ученика, которого выгнали из класса за то, что он испортил воздух: где же логика, почему выгнали меня, логичнее бы вывести остальных. В данном случае логичнее было бы именно Кириенко дать возможность расхлебывать кашу.)

Наконец, и это главное, отправляя правительство в отставку в угоду благопристойным политическим манерам, президент опять открылся ударам оппозиционной Думы, которая, как можно было ожидать, в этот раз отыграется за апрельское унижение. Так и вышло.

Те в президентском окружении, кто затевал эту интригу, полагали, видно, что для удаления из правительства фигур, желающих сохранять независимость от «олигархов», подвернулась лучшая возможность. Они также думали, наверное, что возвращение Черномырдина Дума встретит с облегчением и быстро его утвердит. Жизнь показала, насколько грубым был просчет. Утверждение премьера затягивалось в самый острый период кризиса. Пришлось идти на унижительные уступки в политической и экономической областях. Соответствующие документы, с колоссальным трудом согласованные к началу сентября, демонстрировали полную сдачу позиций. Утвердили бы после этого Черномырдина – была бы надежда, что он, по обыкновению, не станет выполнять всех обещаний. Но тут коммунисты резко изменили тактику, соглашения были отброшены. Очень похожи на истину утверждения, что Лужков, начинающий президентскую кампанию, переманил или перекупил фракцию КПРФ, чтобы отодвинуть Черномырдина и самому занять место премьера. Ему оно требовалось как трамплин к президентскому креслу, так как позволяло расстаться с имиджем мэра Москвы, непривлекательным в провинции. После этого начались разговоры о левоцентристской коалиции во главе с Лужковым и с участием НПСР. Наверное, и Макашов с Илюхиным получили бы шанс быть причисленными к лику левоцентристов.

Итог всех этих игр: Лужков премьером не стал, президент не решился в третий раз предлагать Черномырдина, рисковать роспуском Думы, импичментом и вообще резким обострением политической обстановки. Появилась компромиссная фигура Е.М. Примакова, принятая Думой на ура. Выиграли только коммунисты.

Когда формирование нового кабинета в основном завершилось, когда он начал предпринимать первые робкие действия, стало ясно, что период либеральных рыночных реформ в России закончился. У власти утверждаются умеренные, как говорят – вменяемые левые горбачевского толка, я бы сказал консерваторы.

4.2

Кто либералы и кто консерваторы

Краткое отступление о терминах. У нас, глядя на Запад, на роль консерваторов порой претендуют либералы, радикальные реформаторы. Консерватор в этом смысле противопоставлен коммунистам, которых на Западе воспринимают как революционеров. А консерваторы там выступают за сохранение или реставрацию прежних порядков, традиций, за старину. У нас же именно коммунисты и националисты играют роль консерваторов. Им противостоят либералы как сторонники реформ и демократии.

«Либерал», «демократ» – ныне термины немодные на Руси. Хочется как-то откренститься, переименоваться, чтобы не указывали пальцем и не плевались в одно только название. Я думаю, для сторонников либеральных и демократических ценностей это равносильно отказу от своей идентичности, от принципов, только потому, что в данный момент это невыгодно. Но нельзя жить одним днем. Исторически окупается только принципиальная позиция, даже если ее сторонникам порой приходится выступать «под крики озлобленья» и проигрывать выборы.

4.3

Смена курса

Вернемся к политическому кризису. Итак, он завершился приходом к власти умеренных консерваторов. Примаков, Маслюков, Абалкин как идеолог – деятели горбачевской эпохи. Молодой Глазьев – их единомышленник как сторонник протекционизма, повышения роли государства, не верящий в созидательную силу рыночных механизмов, по крайней мере в переходный период.

Эти люди не против рынка, на словах и не против реформ. Они против радикализма в их проведении, за здравый смысл, за гуманность и социальную ориентированность преобразований. Все последние годы наблюдая за процессами реформирования российской экономики, за углублением кризиса, они пришли к убеждению, что проводившийся курс неверен, что допущены серьезные ошибки, которые придется исправлять.

После ряда публичных выступлений Е.М. Примакова и Ю.Д. Маслюкова в октябре – ноябре стало ясно, что смена курса – это твердое намерение правительства. Политические партии, представленные в парламенте, большей частью правительство поддерживали, каждая по своим причинам. Сказалось и то, что оно было сформировано на коалиционной основе. Впервые с 1992 года правительство опирается на парламентское большинство. Это важнейшая цель политики Примакова, и она достигнута.

Самое существенное: правительство поддерживают КПРФ и его сателлиты в парламенте. Еще бы, в правительстве на видных постах – члены КПРФ! Курс его, по крайней мере декларируемый, во многом повторяет давние идеи левой оппозиции. В этих условиях говорить о ней как об оппозиции стало просто неудобно.

Таким образом, политический кризис, вызванный событиями 17 августа и решением президента об отставке правительства Кириенко, завершился сменой курса экономической политики, к которой давно призывала оппозиция. При этом почти за два года до истечения срока своих полномочий президент практически утратил возможность влиять на экономическую политику. И дело не только в его здоровье, а в том, что он уже не сможет вопреки воле Думы призвать к власти реформаторов, не рискнет ради этого снова вызвать общенациональный политический кризис.

Но все же еще рано делать окончательные выводы, поскольку реальная политика будет складываться под давлением реальных обстоятельств, таких, например, как необходимость договариваться с МВФ и кредиторами, привлекать инвестиции и в то же время беречь поддержку со стороны левого большинства в Думе.

Нет оснований считать, что курс будет каким-то экстремистским, вероятней всего наоборот – взвешенным, разумно-умеренным. Но он будет другим.

5

Текущий момент в контексте переходной экономики

Итак, текущий момент характеризуется, с одной стороны, острым финансовым кризисом и серьезными угрозами для российской экономики в среднесрочной перспективе, с другой – сменой курса, фактическим отказом от политики либеральных рыночных реформ.

Хочу подчеркнуть, что речь идет не об оценке, хорошо это или плохо, а лишь о констатации факта. Прежде чем делать оценки, надо посмотреть, как ложатся эти события в контекст общих закономерностей перехода к рыночной экономике и развития страны.

5.1

Цель реформ – эффективная экономика

Вернемся еще раз к трем исходным тезисам.

Первый тезис. Необходимость рыночных реформ в России по существу не вызывает возражений ни у кого, разве что у левых экстремистов. Вопрос, однако, в том, что видеть в качестве конечной цели этих реформ: какую-нибудь рыночную экономику либо экономику эффективную? Ответ, казалось бы, очевиден. Тем не менее в процессе перехода всякий раз возникает желание остановиться, прекратить болезненные преобразования, не наступать никому на мозоли сегодня ради того, чтобы кто-то послезавтра вкусил плоды процветания. Если так, то можно и остановиться, ибо какая-никакая рыночная экономика в России уже есть. Но если речь идет об эффективной рыночной экономике, способной давать результаты, аналогичные тем, что мы видим в США, Европе или Японии, то должен быть выполнен комплекс условий, хорошо известных по опыту этих и других стран. В их числе:

- преобладание частной собственности, включая собственность на землю; на ее долю должно приходиться не менее 80–85 % национального имущества и ВВП⁴;
- надежная защита прав собственности, хозяйственных партнеров, инвесторов, кредиторов; эффективное законодательство и авторитетная судебная система; низкие транзакционные издержки;
- сильноконкурентная среда, свободный вход на рынки; конкурентоспособная продукция; монопольный сектор, включая естественные монополии, занимает не более 10–15 % ВВП;
- открытая экономика, импортные тарифы на уровне 3–5%; устойчивый платежный баланс, опирающийся на сильный экспорт;
- эффективная система социальной защиты, построенная на принципе разделения ответственности между государством, работодателями и гражданами; доля граждан в финансировании системы социальной защиты примерно 50 %;
- накопительная пенсионная система, развитая система частного страхования, в том числе медицинского;
- сильная банковская система, наличие развитых финансово-инвестиционных институтов, обеспечивающих мобилизацию и перераспределение капиталов в сферы наиболее эффективного приложения;
- сильное, но небольшое государство, оно обеспечивает выработку и неукоснительное соблюдение законов: правовое государство, законопослушные граждане; государство также обеспечивает стабильность национальной валюты и сбалансированность бюджета; доля государственных расходов – не более 30–35 % ВВП, а в период, когда необходимы высокие темпы экономического роста, – 25 % ВВП;
- гражданское общество: высокая ответственность граждан за состояние общественных дел и демократических институтов, развитое местное самоуправление.

Свобода, права человека, равенство возможностей – вот основные ценности, на них зиждется общество, в котором стоит жить, ради них стоит трудиться и переносить трудности.

Мы ушли от общества, которое во многих отношениях было противоположностью этого идеала, и уже прошли определенную часть пути к нему. Но нетрудно заметить, что

⁴ Могут сказать, что в Европе доля частной собственности, как правило, ниже. Но, как показывает опыт, никаких преимуществ это не дает, тогда как минусы все более очевидны.

мы еще довольно далеки от выполнения указанных условий, и, стало быть, чтобы создать в России эффективную рыночную экономику, нужно продолжать преобразования.

Более того, если Европа, сталкиваясь с проблемой чрезмерно большого государства и высоких социальных расходов, еще может ждать, то для России преобразования – жизненная потребность, важнейший фактор преодоления затяжного кризиса.

5.1.1

Закономерности структурной перестройки

Второй тезис. Неизбежность в переходный период спада производства и снижения уровня жизни обусловлена прежде всего тем, что производственная структура, созданная в плановом хозяйстве, не годится для рыночной экономики. Она производит, за некоторыми исключениями, продукцию низкого качества, с высокими издержками, бедную по ассортименту. Предприятия строились крупные, способные реализовать основной источник эффективности при социализме – экономию на масштабе производства, но негибкие, ориентированные не на рынок, а на минимизацию внешних связей: все свое.

При переходе к рыночным отношениям при жестких бюджетных ограничениях, без опеки государства, после открытия экономики большая часть старых производственных структур, особенно в обрабатывающей промышленности, приходит в упадок, обуславливая общий спад производства. Нередко в закрытой экономике эти структуры были рентабельными. В новых условиях они производят отрицательную добавленную стоимость, выживая какое-то время за счет субсидий государства, регионов, естественных монополий, долгов другим предприятиям.

Одновременно благодаря экономической свободе возникает новый, более эффективный рыночный сектор экономики. Это и новые предприятия, и старые, подвергнутые приватизации и нашедшие эффективных собственников, прошедшие реструктуризацию. Главное, они оказываются конкурентоспособными в новых условиях, осуществляют экспансию на рынках, наращивают производство, производят положительную добавленную стоимость. В известном смысле содержание переходного периода в плане динамики производства схематично можно представить в виде графика. Я уже приводил его в своих предыдущих работах и использую снова для объяснения новых явлений. Посмотрим, как отражается на этом графике та или иная экономическая политика.

На рисунке 1 показан случай политики шоковой терапии, которая состоит не только в жесткой финансовой стабилизации, но также в быстрой приватизации, максимальной либерализации, массовых банкротствах несостоятельных предприятий.

В этом случае спад может оказаться очень глубоким, вызывать массовую безработицу, резкое снижение уровня жизни населения, опасность серьезных социальных конфликтов. Но время спада самое короткое, рост нового рыночного сектора самый быстрый, поскольку он сразу получает доступ к ресурсам старого сектора. Условия для роста и привлечения капитала в стране самые благоприятные. Переходный период в целом получается коротким, но пережить его труднее всего.

Рисунок 1. ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Рисунок 2. ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ

Другой вариант политики в переходный период – консервативный. Целевая ориентация: смягчить процесс перехода, минимизировать напряжения в каждый данный момент – реформы без шока. Финансовая политика позволяет поддерживать производство ценой более высокой инфляции, смягчением бюджетных ограничений. Влияние этой политики на производство показано на рисунке 3.

В случае консервативной политики спад в старом секторе протекает медленней, социальное напряжение размывается. На кривой 1 показаны участки плато, которые образуются в периоды денежных вливаний, имеющих целью поддержать производство, естественно достигающихся крупным предприятиям старого сектора, «флагманам» социалистической индустрии. К подъему это привести не может, но на время либо уменьшаются темпы спада, либо он приостанавливается.

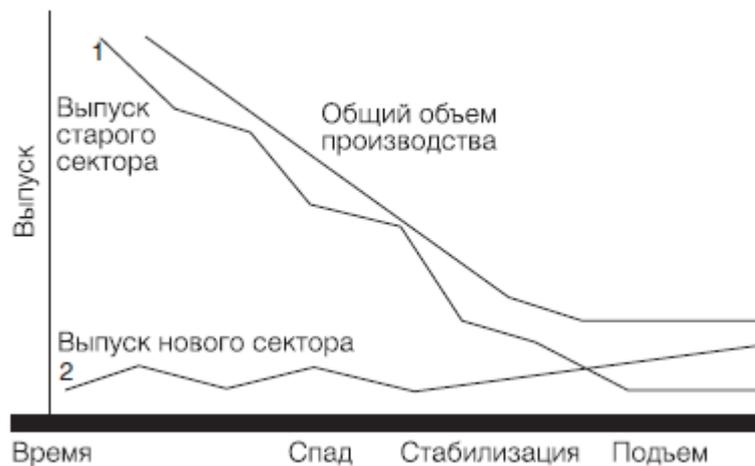

Рисунок 3. КОНСЕРВАТИВНАЯ ПОЛИТИКА

В это время развитие нового сектора тормозится, он не получает ресурсов, которые могли бы высвободиться. Старый сектор тоже не получает ресурсов в достатке, поскольку сокращается их общий объем. Период спада затягивается, утрачивается научно-технический потенциал, сокращаются эффективные мощности как вследствие износа без должного обновления, так и вследствие относительного роста издержек. Накапливается отставание от других стран. Перспективы для подъема после стабилизации оказываются хуже, намного вероятнее длительная депрессия. В целом интегральная величина потерь оказывается гораздо больше, чем в случае быстрых радикальных реформ.

Разумеется, есть оптимальный вариант, лежащий между этими крайностями. Но давайте посмотрим, к какой картинке ближе то, что происходило в России в 1992–1998 годах. Конечно, это вариант рисунка 3. Очевидно, что мы шли и не по линии шоковой терапии, и не по оптимальному пути; мы шли очень близко к предельно консервативному пути, именно этим вызваны и многие проблемы переходной российской экономики, и нынешнее обострение кризиса.

На Западе большое впечатление в кругах, интересующихся Россией, произвела появившаяся не так давно статья Гадди и Икеса «Стоит ли спасать виртуальную экономику»⁵. Авторы отмечают, что российская экономика не только не двигалась к рынку, но даже не маршировала на месте. То, что у нас возникло, они называют виртуальной экономикой. Примерно то же самое в трудах Экспертного института⁶ было названо специфической адаптационной моделью переходной экономики с большими начальными диспропорциями.

Суть виртуальной экономики демонстрируется на четырехсекторной модели:

- 1) домашнее хозяйство;
- 2) правительство;
- 3) сектор, создающий добавленную стоимость, близкий к нашему рыночному сектору (кривая 2 на рисунке 1);
- 4) сектор, уменьшающий добавленную стоимость, близкий к нашему «старому» сектору (кривая 1 на рисунке 1).

Вследствие социальной неприемлемости немедленной ликвидации сектора 4 формируется некая адаптационная модель, в которой продукция этого сектора получает фиктив-

⁵ Рынок ценных бумаг. 1998. Декабрь.

⁶ Российские предприятия: жизнь в условиях кризиса / Экспертный институт. М., 1992.

ную положительную цену, используемую в бартерном обмене и при исчислении налогов. Реально заплатить работникам и своему поставщику, сектору 3, он не может, но тот соглашается на фиктивную оплату за счет налоговых освобождений и иных суррогатов. Бюджет не получает налогов от 4-го сектора вовсе, а от 3-го – частично, не финансирует армию и бюджетную сферу, но живет взаимозачетами и т. д. Домашние хозяйства не получают зарплаты.

Знакомая картина. Выскочить из порочного круга можно, только устранив источник виртуальности – неэффективные производства сектора 4, сократив до минимума затрачиваемое на этот процесс время. Таково же условие окончательного выхода из кризиса.

Ясно, что любая политика, которая ради социальной ориентации затягивает процесс, на деле наносит большой ущерб, тащит страну в пропасть.

Нет ли какого-либо иного способа поднять производство, чем через рост нового сектора? Есть, но только в очень ограниченных пределах, если понизятся процентные ставки и предприятия получат доступные кредиты на пополнение оборотных средств. И это не альтернатива закрытию неэффективных производств, а дополнение к нему. Процесс наблюдался в 1997 году.

Для некоторых отраслей возможности дает девальвация рубля. Однако эффективных мощностей, позволяющих производить конкурентоспособную продукцию с приемлемыми издержками, становится все меньше. Нужны инвестиции, а их выгодней делать в новый сектор или в реструктуризацию предприятий, переводящую их в этот сектор. Поэтому обойти закономерности, активизируя промышленную политику в виде государственной помощи Ростсельмашу или АЗЛК, вряд ли удастся.

Есть, правда, еще один способ, тень которого нет-нет да и мелькнет в предложениях искателей легких решений: закрыть экономику либо посредством высоких пошлин, квот и лицензий, либо введением госмонополии внешней торговли; поддержать слабых дотациями и субсидиями; увеличить госзаказ и госрасходы, чтобы стимулировать спрос. Это и есть откат. За ним последует государственное регулирование цен, товарный дефицит и рacionamento потребления. Белоруссия, кажется, уже попробовала. В терминах предложенной модели переходного процесса очевидно, что это не выход, а конец.

5.1.2 Новый выбор

Драматизм ситуации состоит в том, что финансовый кризис дал толчок не реформам, не ускорению преобразований, а их новому торможению под флагом смены «обанкротившегося» либерального курса.

Третий тезис. Социальное недовольство растет вследствие ухудшения экономического положения, снижения уровня жизни, невыплат зарплаты и пенсий, потерь в науке, образовании, охране здоровья; также вследствие упадка России как великой державы и ущемления национального достоинства. Ранее это уже привело к протестному голосованию на выборах 1993 и 1995 годов, отдавшему большинство в Думе оппозиции, левым и националистам. Это привело, далее, к постоянному конфликту между законодательной и исполнительной властью, к противодействию Думы реформам, к всемерному их торможению. По факту эти обстоятельства вместе с давлением вне парламента (шахтеры, учителя) тормозили преобразования, толкали нас к консервативному курсу, который проводился в реальности, несмотря на присутствие в правительстве реформаторов-либералов.

Сейчас именно Гайдара и Чубайса считают виновными во всем, хотя они-то всегда стремились ускорить реформы. Они, пожалуй, и виноваты, но скорее в том, что не отмежевались решительно от консервативной политики, не перешли на позиции критиков, как некоторые другие, сохранившие свое реноме. Они остались в надежде на то, что может быть что-

то удастся сделать. Ельцин на посту президента предоставлял им такие условия, на которые в дальнейшем вряд ли приходится рассчитывать.

Теперь рост социального недовольства привел и к смене курса. Реформаторов из правительства изгнали. Да и бог с ними, когда-то это все равно должно было случиться. Реформы и реформаторы надоели, народ хочет, чтобы порулили другие, может, у них получится лучше. Не случайно правительство Е.М. Примакова поддерживают в парламенте, в директорском корпусе. Опросы показывают высокий уровень доверия к новому премьеру и со стороны населения. Объективно Примакову приходится действовать в условиях более сложных, чем его предшественникам (пожалуй, кроме Гайдара в 1992 году). У него есть основания списать на них все проблемы; сказать, следуя голосу масс, что они, либералы, виноваты во всех бедах. Пусть, если это поможет. В конце концов, не столь важно, что человек говорит, важно, что он делает.

И здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: чтобы выбраться из кризиса, нужно быть большим монетаристом, чем те, кого сейчас обличают; нужно двигать реформы быстрее, чем это делали реформаторы. А для того чтобы сохранить поддержку парламента и населения и после первых 100 дней, надо бы действовать точно наоборот. Е.М. Примаков стоит перед ответственным выбором, ему надо будет разрешить это противоречие. Не на словах.

6

Что надо делать

Разумеется, в сложившейся ситуации всех главным образом волнует, что надо делать и что нас ожидает. Перспектива, которая чуть более года назад казалась достаточно ясной, затуманилась и помрачнела.

Первое: что надо было бы делать, чтобы оздоровить экономику и финансы? Вопрос поставим в экономическом плане, оставляя в стороне политические ограничения и состав исполнителей. Рассмотрим отдельно первоочередные и среднесрочные меры.

6.1

Первоочередные меры

С учетом сказанного выше первоочередные меры должны состоять в том, чтобы остановить нарастание кризиса, отразить основные угрозы.

- *Предотвратить инфляцию*, не допустить масштабной эмиссии. Для этого составить и утвердить реальный бюджет, лучше максимально консервативный, рассчитанный на худшие условия. Ограничить другие каналы эмиссии, находящиеся в руках ЦБ.

- Предпринять максимум усилий для *улучшения сбора налогов*. Это – ключевая проблема.

- Восстановить функционирование *банковской системы*, прежде всего прохождение платежей.

- Как можно быстрее начать и настойчиво вести переговоры о реструктуризации внешнего долга, наладить взаимопонимание с МВФ, предложить приемлемую для Фонда экономическую программу, исключив из нее меры, которые он считает неверными, тем более что чаще всего они действительно оказываются неверными.

- Осуществить меры по *дополнительной социальной поддержке граждан*, попавших в трудное положение в связи с кризисом. Главные проблемы в связи с этим: падение реальных доходов и увеличение бедности, невыплаты зарплат и пенсий, нехватка топлива на электростанциях в северных районах и отсутствие тепла в домах. Если усилится инфляция, эти

проблемы могут обостриться. Нужна по крайней мере система мониторинга, упреждающего появление очагов социального бедствия. Возможно, сейчас подходящее время, чтобы ввести адресное пособие по бедности взамен многочисленных льгот для конкретных категорий граждан.

Правительство в первые месяцы своей деятельности в основном и занималось указанными первоочередными делами, хотя потратило какое-то время на осознание их приоритетности. Однако очевидных успехов пока нет ни на одном из направлений.

6.2

Среднесрочная программа

Что касается среднесрочной перспективы, хотя бы на два-три года (опять же в экономическом плане, отвлекаясь от влияния предстоящих выборов и сопутствующих им политических кампаний), то речь должна идти о мерах, соответствующих новому, с коррекцией на последствия 17 августа, пониманию глубины кризиса и масштаба вызова, перед которым сегодня стоит страна.

Цель среднесрочной программы – остановить кризис, устранить его причины, возобновить экономический рост. Для этого надо как можно скорее *снова добиться финансовой стабилизации*, но уже на здоровой основе, снизить процентные ставки для конечных заемщиков до уровня не более 20–25 % годовых. Это основная предпосылка оживления экономики, развязки неплатежей, повышения уровня монетизации. Это своего рода промежуточный результат, стартовая площадка, без которой подъем не получится, как бы нам того ни хотелось.

Основные направления действий для достижения этой цели следующие.

1. Прежде всего, необходимо преодоление *бюджетного кризиса*. Ни занимать, как прежде, ни печатать деньги мы не можем. Более того, чтобы восстановить доверие кредиторов и иметь возможность прибегать к заимствованиям в будущем (а без этого развитие российской экономики невозможно, на этот счет не может быть двух мнений), в течение не менее трех предстоящих лет федеральный бюджет должен сводиться с первичным профицитом в 2,5–3% ВВП, чтобы все убедились: правительство всерьез намерено отдавать долги. И это рамочное условие, не подлежащее обсуждению. Уход от него сделает поставленную цель недостижимой на длительный период.

Прежде брали займы легко, отдавать теперь придется тяжело. И это главный упрек предыдущим правительствам.

Если даже удастся добиться реструктуризации внешнего долга, чтобы ежегодные платежи составляли не более 7–9 млрд. долл., все равно это слишком тяжелая нагрузка для истощенной экономики.

Отсюда следует, что ни существенное сокращение налогового бремени, ни активная промышленная политика, опирающаяся на государственные инвестиции, в этот период невозможны.

2. Исключительной важности задача, *снова и снова – сбор налогов*. Первичный профицит бюджета на указанном уровне возможен, если налоговые и прочие его доходы составят не меньше 12–13 % ВВП. В этой величине нет ничего невероятного, столько мы собирали в 1995–1996 годах, правда, с учетом КО, КНО и прочих взаимозачетов. Однако ныне эти цифры выглядят чересчур оптимистичными. На 1999 год запланировано 11,8 %, а специалисты предсказывают 9,4–9,7 %.

Тем не менее резервы есть, только связаны они не с повышением ставок налогов или введением новых, типа экспортных пошлин, не с увеличением бремени предприятий, а с переносом нагрузки на потребление и на налоговое администрирование.

По расчетам Бюро экономического анализа, в 1997 году налогооблагаемая база одного подоходного налога реально составляла 175 млрд. руб., тогда как ГНС ее оценивала в 95 млрд., по сумме начисленной зарплаты. Уплачено подоходного налога 75 млрд. руб., и ГНС может отчитаться о высокой собираемости: $75:95 = 79\%$. На самом деле недоимки составили 100 млрд. руб., из них 68 млрд. недоплачено самыми состоятельными гражданами, двумя верхними децилями распределения по доходам. И это только один налог.

В нефтяной промышленности почти вся тяжесть обложения приходится на добывающие и перерабатывающие предприятия. Последние работают по большей части на давальческом сырье и налогов платят мало. А посредники, трейдеры практически и вовсе не платят. На внутреннем рынке сырой нефти применяются трансфертные цены вертикально интегрированных компаний, резко поэтому заниженные. Соответственно занижаются и налоги. Примеры можно продолжить.

3. *Сокращение государственных расходов.* Хотя они уже урезаны, казалось бы, донельзя, придется резать дальше, чтобы выйти на критические показатели первичного профицита. Особенно если не удастся поднять сбор налогов.

Речь идет не только о сокращении фактического финансирования, но и о снижении обязательств государства, сохранение которых обуславливает рост долгов бюджета. Если фактические расходы федерального бюджета в 1998 году составят примерно 14 % ВВП, то обязательства – около 25 %. В их числе – идущие еще от советской эпохи, но также принятые бывшим Верховным Советом РСФСР и Государственной Думой в пику негуманным реформаторам, включая индексацию зарплаты бюджетников, детские пособия, выплаты офицерам при увольнении в запас или отставку и т. д. Кроме того, долги бесчисленных бюджетных организаций по оплате топлива, энергии и проч.

Если же брать бюджет расширенного правительства, включая территориальные бюджеты и внебюджетные социальные фонды, то общий объем обязательств государства составит примерно 45–50 %, что абсолютно непосильно сейчас для российской экономики. (Да и для процветающей германской это тоже, как сейчас признано, слишком много: канцлер Г. Коль намерен был к 2000 году сократить госрасходы ФРГ с 50 % до 46 %.)

Наличие таких обязательств, даже если они не выполняются, порождает неплатежи и подрывает авторитет государства. Как раз здесь мы видим, что, чем больше государство, тем оно слабее.

Когда заходит речь о снижении налогов, то прежде надо говорить о снижении обязательств государства.

Однако сокращение государственных расходов, если резать по живому, без соответствующих изменившимся условиям структурных реформ, будет крайне болезненно. Например, просто снизить абсолютный размер всех пенсий без пересмотра пенсионного возраста, без перехода на новые условия формирования профессиональных пенсий, без перехода на накопительную систему с персональными пенсионными счетами – такой шаг просто жестокость.

4. *Реформы.* Поэтому сокращение государственных расходов и обязательств должно сопровождаться осуществлением *комплекса* реформ, прежде всего в социальной сфере.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть: эти реформы не блажь реформаторов, желающих реформировать ради самого процесса реформирования. Не будет реформ – сокращение расходов все равно произойдет, но в самой болезненной форме, через провалы, беды и социальные конфликты, через подрыв государства. Реформы – это вынужденная ныне необходимость, способ ввести неизбежные изменения в нормальное, контролируемое русло, минимизировать потери и создать предпосылки для будущего развития, для будущих конкурентных преимуществ российской экономики.

В их числе:

- военная реформа;
- реформа жилищно-коммунального хозяйства;
- пенсионная реформа;
- реформа системы социальной защиты (переход к пособиям по нуждаемости);
- реформы в образовании и здравоохранении.

5. К этим реформам в социальной сфере, прямо ведущим к сокращению обязательств государства, необходимо добавить реформы, призванные обеспечить структурную перестройку и повышение эффективности экономики:

- реформу трудовых отношений с целью легализации реального рынка труда и создания действенных правовых механизмов защиты прав трудящихся;
- реформы в отраслях естественных монополий;
- реформу предприятий, то есть их реструктуризацию с целью либо обеспечения их конкурентоспособности и перехода в новый рыночный сектор, либо ликвидации;
- реструктуризацию банковской системы.

Особо хочу подчеркнуть роль *реформы предприятий*. Она должна создать существенно более благоприятный климат для бизнеса и инвестиций. И здесь главная роль принадлежит государству.

Вторая линия – повышение уровня корпоративного управления, в центре которого отношения управляющих и собственников (акционеров). Итогом должно стать доминирование эффективных собственников; повышение качества управления, которое является основной слабостью нынешних российских компаний; закрытие неэффективных производств, активизация структурной перестройки.

Короче говоря, необходимо осуществить реформы, предусмотренные в программах правительств Черномырдина и Кириенко.

Конечно, этого можно и не делать или же так изменить содержание, что бы фактически ничего не делать. Но тогда – надо это хорошо понимать – Россию ждет либо крах, либо длительное прозябание в бедности, на третьих ролях.

6. Перестройка системы *межбюджетных отношений* с целью укрепления финансовых основ Федерации и повышения заинтересованности регионов в сокращении федеральных трансфертов и повышении эффективности использования бюджетных средств, в продвижении рыночных реформ.

7. Бескомпромиссная *борьба с преступностью*, перевод в легальное русло большей части теневой экономики.

Надо прямо признать, что предыдущие правительства, другие ветви власти, делали на этом направлении *постыдно мало*. Можно объяснять распространение этих опасных явлений особенностями переходного периода, слабостью государства, которое старается соблюдать демократические нормы. Но *оправдания нет*, ибо существует множество доказательств сращивания интересов представителей власти, бизнеса и криминальных кругов, пренебрежения ради этих интересов законами и интересами общества.

Хотелось бы надеяться, что новое правительство, свободное от многих связей, которые были у деятелей прошлых правительств, сможет серьезно продвинуться на этом направлении.

Таковы мои *семь главных дел* на среднесрочную перспективу. Нетрудно заметить, что эта программа – курс на реформы; не только на их продолжение, но на более энергичное и последовательное их проведение. Повторю: это то, что надо делать исходя из чисто экономических соображений, чтобы как можно скорее преодолеть кризис и создать основы будущего процветания страны.

7 Что будет

Другое дело, что будет на самом деле. Что придется делать и что не удастся сделать в силу объективных социальных, политических и иных ограничений. И что намерено делать нынешнее правительство в свете понимания им сложившейся ситуации. Иными словами, нужно учесть влияние и субъективного фактора тоже.

7.1 Объективные факторы

Нельзя не видеть те позитивные обстоятельства, которые благоприятствуют сегодня продвижению реформ.

Во-первых, нынешнее правительство не несет ответственности за то, что было в последние семь лет. Оно вправе вновь говорить о доставшемся ему тяжелом наследстве и о времени, которое требуется, чтобы разгрести завалы. При этом совершенно неважно, насколько эта позиция соответствует действительности. Важно, что общество ее охотно воспринимает.

Во-вторых, впервые за семь лет правительство может рассчитывать на поддержку парламентского большинства. Есть известные предпосылки, хотя и не слишком надежные, для достижения согласия основных политических сил по поводу жестких мер, необходимых для выхода из кризиса. Во всяком случае, если коммунисты готовы проголосовать за профицитный бюджет, то это знак надежды для страны, кстати, определенно разоблачающий КПРФ. Значит, до сих пор, разглагольствуя о народных интересах, они сознательно наносили ущерб стране, лишь бы навредить «антинародному режиму». Действовали по принципу «чем хуже, тем лучше». Для них. Тем не менее смена их отношения к «своему» правительству и готовность поддерживать предлагаемые им непопулярные меры для России полезны.

В-третьих, как отмечалось, девальвация рубля создала известные возможности для ряда отраслей российской экономики. Если их активно использовать, то в течение обозримого периода можно добиться стабилизации или даже некоторого роста производства.

В-четвертых, нет худа без добра: сама ситуация, более острая, чем когда бы то ни было, будет толкать власти на решительные и консолидированные действия. То, что не удалось «монетаристам» (профицитный бюджет), может быть осуществлено их недавними оппонентами. Преступность и коррупция настолько обнаглели, что власти, загнанные в угол, вынуждены перейти в наступление.

В то же время негативные социальные и политические ограничения не будут давать правительству делать то, что требуется, даже если бы оно хотело.

Низкий уровень жизни значительной части населения, глубокая дифференциация по доходам и материальной обеспеченности станут препятствовать реформированию социальной сферы, точнее, всем мерам, которые будут задевать интересы хотя бы одной социальной группы. Северб, нужда в переселении, города-предприятия – все это ограничения для активизации структурной политики с точки зрения свертывания неэффективных производств.

Узкое поле маневра в макроэкономической политике: увеличение денежной массы – инфляция и падение рубля; сжатие ее – рост неплатежей, натурализация экономики, снижение собираемости налогов.

Наконец, в близкой перспективе нас ждут парламентские и президентские выборы, которые уже сейчас дестабилизируют политическую обстановку. В этих условиях поддержка правительства со стороны думского большинства не безгранична: если в преддверии выбо-

ров речь пойдет о непопулярных мерах, у депутатов может сработать рефлекс противостояния тому, что надо бы делать, да им невыгодно.

7.2

Субъективные факторы: исправление ошибок

Теперь о субъективных факторах. Новое правительство, во всяком случае его ключевые члены и их доверенные советники, пришли во власть, чтобы реализовать выношенные в оппозиции идеи. Ю.Д. Маслюков сказал: «Мы пришли не мстить, а исправлять ошибки». Отлично! Какие именно?

Мы их уже упоминали выше:

- монетаризм, т. е. борьба с инфляцией посредством ограничения денежной массы;
- преуменьшение роли государства, расчет на то, что рыночные силы сами по себе могут привести экономику

к подъему; иными словами, по крайней мере отчасти отвергается либерализация, включая открытие экономики;

- приватизация «по Чубайсу», т. е. задаром и быстро.

Во всяком случае, эти «вины» все время вменяются реформаторам. В начале этого доклада под рубрикой «Доводы оппонентов» именно этими «ошибками» объяснялся нынешний кризис.

Отсюда следовали ожидания, что правительство, намеренное исправлять ошибки, будет:

- во-первых, осуществлять эмиссию в крупных масштабах, дабы преодолеть монетаристские заблуждения предшественников и повысить монетизацию экономики;
- во-вторых, повышать роль государства в регулировании экономики, в том числе посредством административных мер типа замораживания цен, нормирования рентабельности и т. п. (обычно вызывающих каскад негативных последствий), исправляя тем самым «ошибки либерализации»;
- в-третьих, исправлять ошибки приватизации, осуществляя национализацию «неправильно» приватизированных компаний или устанавливая контроль над ними иными методами.

Такие действия были бы направлены прямо против реформ и представляли бы собой откат. Поэтому, учитывая присутствие в правительстве левых, они вызвали превентивную критику в прессе в тот период, когда правительство еще ничего не сделало, а только поручило «новым людям» писать проекты программных текстов.

На самом деле по прошествии ста дней стало ясно, что пока такого разворота событий не происходит. Правительство определенно эволюционирует в своих взглядах. Эмиссия началась. При утверждении поправок к бюджету-98 правительство использовало «форточку», оставленную в законодательстве, и получило разрешение на покрытие бюджетных расходов за счет продажи ЦБ нерыночных облигаций. Кроме того, ЦБ поддерживал отдельные коммерческие банки и покупал валюту. Елитимья, которую наложило на себя правительство с 1995 года, таким образом, была снята.

Но денежные власти прониклись все же спасительной мыслью о том, что новая волна инфляции означала бы страшный удар по слабой российской экономике и их собственное поражение. Поэтому они проявляют сдержанность, и не исключено, что масштабы роста цен в 1999 году не превысят критических значений.

Бюджет-99 представлен с первичным профицитом и имеет шанс быть принятым, о чем Черномырдин и Кириенко могли только мечтать. Правда, в нем заложены сомнительные предположения о кредитах МВФ, реструктуризации внешнего долга и увеличении собирае-

мости налогов, но ясно одно: новое правительство вынуждено проводить жесткую монетаристскую политику.

Е.М. Примаков успокоил сторонников рыночных реформ в России, что национализации не будет, хотя, возможно, придется рассмотреть отдельные случаи незаконной приватизации. Напротив, продано 2,5 % акций Газпрома.

Правительство Примакова все еще продолжает попытки уйти от политики предшественников в том, что касается повышения роли государства и, прежде всего, использования его возможностей для организации подъема производства.

В этой области некоторые меры абсолютно необходимы и будут поддержаны любым здравомыслящим человеком. Слабость институтов государственной власти в современной России – очевидная и хроническая проблема. Начиная с 1993 года не было ни одной правительственной программы, в которой не ставилась бы задача укрепления государства. Другое дело, что достижений было мало. Если бы нынешнее правительство добилось реальных сдвигов в деле укрепления авторитета закона и правопорядка, в борьбе с преступностью и коррупцией – ему никто открыто не посмел бы возразить. Я готов поддержать большинство мер, предложенных правительством в части усиления таможенного и валютного контроля.

Но есть меры по повышению роли государства административного порядка, посредством которых правительство намерено преодолеть провалы рынка. А здесь нужна осторожность.

Замысел, который хочет реализовать правительство, состоит в том, чтобы стимулировать рост производства посредством:

- 1) снижения налогов на производство, в том числе НДС и на прибыль;
- 2) активизации промышленной политики, увеличения инвестиций в реальную сферу посредством создания специальных государственных институтов, мобилизующих ресурсы на нужды развития экономики.

7.2.1

Налоговая реформа по Боосу

Что касается снижения налогов, то эта идея не нова и имеет весьма широкую поддержку. Оно предусматривалось проектом Налогового кодекса, внесенного Черномырдинным, а также Антикризисной программой Кириенко. В последней для облегчения финансового бремени предприятий реальной сферы планировались также меры по сокращению перекрестного субсидирования и по снижению цен и тарифов в отраслях естественных монополий, которые могли составить в среднем 15–20 %. Это было бы более ощутимо, чем даже снижение НДС на 10 %.

Логика налоговой реформы, предложенной Г.В. Боосом и поддержанной Ю. Д. Маслюковым, такова. Налоги все равно собираются на 50–60 %, обуславливая лишь рост недоимок бюджета. Если сократить их вдвое, то собираемость возрастет, а положение предприятий облегчится, и высвободившиеся средства они смогут направить на инвестиции. Самый «плохой» налог – НДС, поскольку положенный возврат средств, уплаченных в ценах на ранее уже обложенные НДС сырье и материалы, происходит не сразу, отвлекая оборотные средства. Поэтому прежде всего надо снизить НДС.

Обещания Бооса: да, первое время сбор налогов может снизиться, надо найти способ заложить «яму». Но затем, уже через полгода, начнется рост производства. Появятся дополнительные доходы, и потери бюджета будут перекрыты.

К сожалению, здесь что ни утверждение, то заблуждение. Им легко поддаться, потому что хочется поверить в давно ожидаемый результат. Даже либералам, ибо снижение налогов всегда написано на их знамени.

Пойдем по порядку.

Если налоги собираются на 50 %, то снижение ставок само по себе не приведет к повышению собираемости. Напротив: кто платит, будет платить меньше, кто не платит, платить не начнет. А если вы намерены укреплять налоговую дисциплину, то с этого и начните. Докажите, что способны добиться сдвигов. Тогда и решать бы.

Логическое противоречие: если налоги не платятся потому, что велико налоговое бремя, а вы, сократив ставки, намерены повысить эквивалентно собираемость налогов, то в чем будет облегчение налогового бремени? Ведь ожидают, что в итоге денег в бюджет поступит не меньше, а больше.

Да, отвечают, но производство возрастет, увеличится налогооблагаемая база, и ту же сумму налогов заплатить будет легче. Извините, но кто доказал, что налоги – главное препятствие для повышения производства? Не низкий спрос, не отсутствие доступного кредита, не неумение делать конкурентоспособную продукцию и завоевывать рынки, а именно налоги? Доказать это невозможно, но доказывать легче. Потому что здесь всего один субъект, который потеряет, – государство, а на его стороне так мало защитников. Один Минфин да пара неразоружившихся монетаристов.

А они говорят: если хотите сократить налоги – прежде сокращайте обязательства государства, сокращайте расходы. А если не можете, если по уши влезли в долги и стоите на пороге государственного банкротства, то впору налоги не сокращать, а повышать, на что и пошло всеми осуждаемое правительство Кириенко.

Самый «плохой» налог – НДС, ибо его приходится платить, от него трудней отвертеться. Кроме того, он оберегает бюджет от потерь в период инфляции, а ее угроза пока не исчезла; напротив, возрастает. Напомню, НДС был введен в 1992 году, когда после либерализации цен ожидали высокую инфляцию и хотели предупредить известный эффект Оливейры-Танзы, когда расходы бюджета растут быстрее доходов. Теперь сходная ситуация.

Оборотные средства отвлекаются, так как есть возврат? Неверно! Отвлекаются, так как нет возврата. Государство не вернуло положенных сумм возврата на 15 млрд. руб. Это половина ожидаемого эффекта для предприятий от снижения ставки. Верните! Не можете?

Нет денег, это верно. Но разве это не антигосударственная логика: если я не могу дать деньги, то снижу налог, то есть отдам их источник?

По просьбе коллег подчеркиваю: *я за снижение налогов* – но других. А НДС должен быть «священной коровой», это главная опора бюджета. Подрывать ее в период острейшего бюджетного кризиса – диверсия. Снижение ставки НДС даже на 5 % – первая реальная стратегическая ошибка правительства Примакова.

В 1999 году будет не то, что обещает Боос, а «непредвиденное» сокращение доходов бюджета, и немаленькое, которое можно будет закрыть 1 только масштабными недофинансированием и/или эмиссией.

7.2.2

Промышленная политика

Для обеспечения подъема производства и стимулирования инвестиций в реальную сферу правительство запланировало ряд мер (упоминаю только принципиально важные).

1. Освобождение от налога на прибыль все средства, направляемые на инвестиции. Одновременное усиление государственного контроля над использованием средств, выводимых из-под налогообложения.

2. Отделение *бюджета развития* от текущего бюджета. Создание для его реализации *Российского банка развития*, возможно на базе ряда банков с государственным участием.

3. Участие государства в гарантировании и страховании инвестиционных рисков. С этой целью предусмотрено создание специального Агентства по гарантиям и страхованию инвестиций от некоммерческих рисков.

В предшествующих версиях правительственной программы были и иные меры, в том числе по амортизационной политике, по поддержке предприятий, которые весьма показательны для взглядов ее составителей в духе «исправления ошибок». Однако в итоге они были исключены, и поэтому мы не станем их обсуждать. Хотя кто знает – в программе не предусмотрено, а постановление соответствующее инициативные авторы уже могут готовить.

Обсудим перечисленные меры. Идея освобождения от налога на прибыль всех инвестиционных расходов из прибыли не нова. Ее применяют в других странах. Надо, однако, оценить своевременность ее использования сейчас и у нас.

Напомню, сейчас на инвестиции используется менее половины амортизационных отчислений, прежде всего по причине недостатка оборотного капитала. Нормы амортизационных отчислений серьезно повышены. Стало быть, сокращение инвестиций происходит не из-за чрезмерного обложения прибыли или недостатка льгот, а из-за недостатка финансовых ресурсов вообще и особенно из-за высоких рисков, неопределенности прав собственности и т. п. Я уже не говорю о том, что сегодня амортизация и прибыль большей частью счетные категории, не воплощаемые в живых деньгах. Иначе говоря, факторы, препятствующие инвестициям, лежат в совершенно иной плоскости, и дополнительная льгота делу не поможет, а только создаст еще один канал для увода денег из-под налогообложения. Не случайно упоминается в программе задача усиления государственного контроля. Чем дело кончится, известно заранее.

А вот планка предельной эффективности вложений будет понижена, тогда как на деле мы сегодня заинтересованы не столько в объемах, сколько в эффективности инвестиций.

Бюджет развития также идея не новая и в принципе правильная. Лично я убежден, что в период структурной перестройки государство обязано способствовать формированию передовой структуры производства, характерной для развитых индустриальных стран. Однако и прежде формирование бюджета развития упиралось в отсутствие ресурсов, а сейчас это обстоятельство будет ощущаться еще сильнее.

Аналогичные институты уже были созданы ранее. Напомню, ГОСИНКОР задумывался как государственная компания по страхованию инвестиций; Российская финансовая корпорация – для мобилизации ресурсов под инвестиционные проекты. Есть еще Росэксимбанк и Росэксимгарантия. Ни одна из этих организаций не отличилась ничем, кроме, пожалуй, одного: они «пристроили» группы заинтересованных лиц. И их даже нельзя винить, поскольку ресурсов больше, чем на это, им их учредитель не дал. Поэтому своих, так сказать, уставных функций они осуществлять не могут.

Напомню, есть также Российский банк реконструкции и развития (РБРР), задуманный точно для тех же целей, что сегодня Банк развития. Из-за отсутствия денег у государства к его созданию привлекли частный капитал. Сейчас это частный банк, из которого государство практически выкинули.

Есть ли основания полагать, что у вновь создаваемых институтов будет иная судьба? Боюсь, что нет. Их время, видимо, еще не пришло.

Впрочем, исподволь в нынешних правительственных кругах вынашивается «конструктивная» идея: если уж решили печатать деньги, то надо отдать их прямым в бюджет развития, на высокоэффективные инвестиционные проекты. Проекты скоро начнут окупаться, и, под пустые вначале деньги, будет подведено материальное обеспечение.

При этом ссылаются на Кейнса и на позитивный опыт рузвельтовского Нового курса после Великой депрессии.

На самом деле экономическая теория не отрицает того, что увеличение денежного предложения может привести к росту выпуска, но утверждает, что эффект всегда будет делиться между ростом выпуска и цен. Только с низкой вероятностью и на время эмиссия, куда бы она ни направлялась, приводит к росту выпуска, но почти всегда к пропорциональному росту цен⁷.

В данном случае, до того как появится доход от инвестиций, пусть и самых эффективных, деньги сразу будут потрачены на зарплату, материалы и т. п., что вызовет рост цен, если в экономике сильны инфляционные ожидания. На завершение проектов понадобится уже больше денег.

Далее, эффективность проектов – сильное допущение. Качество проектов сомнительно. Если говорить об эффективности, то лучше всего вкладывать в прирост оборотных средств на предприятиях со свободными и эффективными мощностями. Но это сфера кредита. Это как бы не те инвестиции, от них ожидаются технологические сдвиги, новые мощности. Значит, сроки придется увеличить, и инфляционный эффект усилится.

Наконец, раз средства государственные, то у истоков и на всех этапах их движения появляются люди, желающие хотя бы тонкую струйку отвести от основного потока в свой карман. Уверения, что «сам министр лично будет контролировать» и т. п., не должны восприниматься всерьез, таков, по крайней мере, наш опыт 1992–1994 годов, к которому сейчас кое-кто призывает вернуться.

Поэтому, вероятней всего, инфляцию получим, воровство тоже, а позитивный эффект – нет.

В каком отношении действительно необходима и возможна активизация промышленной политики, так это в усилении процесса выведения старых мощностей и неэффективных производств, в интенсификации процесса банкротств. Но как раз это вряд ли будут делать. Во всяком случае, отмена постановления Кириенко об ускоренной процедуре банкротства было одним из первых решений нового правительства.

Тезисы о поддержке крупных предприятий были изъяты из правительственной программы, кажется, только под давлением МВФ. И это еще вовсе не значит, что отказались от соответствующей политики. То, что нынешнее правительство больше прежнего подвержено отраслевому лоббированию, кажется очевидным. Во всяком случае, об этом свидетельствует и списание 25 млрд. долга АПК, и принятый бесконкурсный порядок распределения «гуманитарного» продовольствия из США, и, судя по прессе⁸, подготавливаемый отказ от конкурсного распределения индийского долга. Это только по ведомству Г.В. Кулика. Не случилось бы так, что именно в этом и будет заключаться «промышленная политика», которая огромными усилиями была преодолена в 1995–1997 годах.

7.2.3 Реформы

И с высокой степенью уверенности можно утверждать, что правительство Е.М. Примакова не будет проводить никаких реформ из упомянутых выше, связанных так или иначе с ростом напряжения, с необходимостью преодолевать сопротивление.

Парадокс текущего момента. До сих пор правительства, считавшиеся реформаторскими, на самом деле реализовали крайне консервативную политику. Теперь для выхода из кризиса от правительства умеренных консерваторов гораздо настоятельней требуется про-

⁷ Сакс Дж., Ларрен Ф. Макроэкономика, глобальный подход. М.: Дело, 1996. С. 407–410.

⁸ Сегодня. 1998.26 декабря.

водить более жесткую монетарную политику и ускорять структурные реформы, наверстывать упущенное. Вряд ли оно станет это делать.

Легко понять почему: большинство населения устало; реформы непопулярны; силы, поддерживающие правительство, всегда выступали против реформ; время до новых президентских выборов – время политической неопределенности, когда важнее сохранить стабильность, а не будоражить вновь людей. Увы, это так, хотя жаль, что еще минимум два года Россия вновь потеряет. И дорого заплатит за это.

Подведем итог. От нынешнего правительства не следует ожидать резких движений. Отката реформ не будет, продвижения – тоже. Финансовая и денежная политика будут жесткими. Снижение налогов – самый решительный шаг правительства, – вероятней всего, закончится неудачей с тяжелыми последствиями для бюджета. Промышленная политика будет, видимо, декларироваться, но не проводиться на деле просто из-за отсутствия денег.

8

Поражение или отступление?

Теперь вернемся к вопросу, поставленному в заголовке доклада.

Можно ли говорить о поражении российских рыночных реформ в итоге августовского кризиса? Если понимать поражение в терминах отката назад, реставрации командной системы, то нельзя. Именно сейчас реформы проходят *испытание на прочность*. И пока, если судить по тому, как пришедшие к власти оппоненты намерены исправлять ошибки реформаторов, важнейшие достижения реформ – либерализация и приватизация – испытание выдерживают.

Но финансовая стабилизация сорвана. Поражение потерпела консервативная политика, стремящаяся откладывать на потом решение острых проблем, готовая ради этого залезать в долги. Это поражение и реформаторов, мирившихся с этой политикой и тем самым разделивших за нее ответственность.

В целом же для российских реформ последний кризис – *отступление, или, может быть точнее, остановка, пауза*. Она очень опасна, поскольку может затянуться на 10–15 лет, в течение которых страна будет находиться в промежуточном, переходном состоянии, лишенная сильных импульсов развития. Но эта пауза, видимо, стала неизбежной. Она по крайней мере позволит зафиксировать результат: ослабленная, ободранная Россия вырвалась из западни планово-распределительной системы, и обратно туда ее уже не загонишь.

Начинается новый этап борьбы. Борьба за преобразования, способные создать в России эффективную рыночную экономику и социальную базу демократии. Теперь это действительно борьба, поскольку сторонники преобразований оказались в оппозиции и вынуждены начинать почти с нуля.

Я закончу доклад кратким политико-экономическим прогнозом.

1. *«Оптимистический» сценарий*. Предположим невероятное: сторонники реформ вновь вошли в правительство. Преодолевая сопротивление, они делают то, что надо делать с чисто экономической точки зрения.

Тогда мы получаем сравнительно низкую инфляцию, стабилизацию или даже небольшой рост производства, но наряду с ним усиление социального напряжения и почти наверняка крупную победу левых и национал-патриотов на парламентских и президентских выборах с последующей мрачной перспективой новых социальных экспериментов над Россией.

Так что этот сценарий вряд ли можно считать оптимистическим на деле. Слава богу, его вероятность практически равна нулю.

2. *«Пессимистический» сценарий.* Нынешнее правительство пытается справиться с нарастающими угрозами методом исправления ошибок, корректировки реформ, усилением их социальной направленности.

Тогда мы получаем высокую инфляцию, сначала оживление, а затем более глубокий спад производства, еще большую натурализацию хозяйства, серьезное снижение уровня жизни и рост бедности. Однако население на опыте убеждается, что умеренные консерваторы или левые радикалы неспособны решить ни одной проблемы России, а вот погубить ее – запросто. Мы как бы получаем прививку от популистской политики и национал-социалистической демагогии. Тогда, если, конечно, сохраним демократию, на выборах есть шанс выстроить сильную правую оппозицию, иметь таких президента и правительство, которые не будут стесняться слова «реформы».

Так что этот сценарий, немного более вероятный, вряд ли можно считать таким уж пессимистическим.

3. *Реалистический сценарий* состоит в том, что правительство проводит сбалансированную политику: немножко борется с инфляцией, немножко поддерживает производство, немножко борется с коррупцией и преступностью, немножко потрафляет отдельным лоббистам, открывая отдельные щели для воровства.

Итог. До парламентских и президентских выборов держится сравнительно «умеренная» инфляция – до 100 % в год. Производство вяло падает, производя впечатление некоторой стабилизации. То же и с уровнем жизни. Вроде бы ситуация особо не ухудшается, но и не улучшается. Мы получаем кредит МВФ, но минимальный; реструктуризацию долгов, которая ничего не решает.

К парламентским и президентским выборам приходим в состоянии максимальной неопределенности. Что будет со страной после них? Неясно: несемся, как знаменитая птица-тройка с Чичиковым на борту.

Боюсь, что этот сценарий и самый реалистический, и самый пессимистический. Без кавычек. Необходима мобилизация всех общественных сил, на деле выступающих за демократию и рыночную экономику, чтобы он не осуществился.

Мое покаяние

Почему российская экономика оказалась в руинах?

Недавно мой друг В. Головачев с болью написал в «Труде» (1999. 16 февраля) про реформаторов: признать ошибки – это не для них. Простая мысль: покайтесь, и люди станут относиться к вам лучше. Вот Петр Авен покаялся (правда, не за себя, а за других) и уже заслужил три-четыре положительных отклика в прессе, даже со стороны академика Николая Петракова, непримиримого критика реформаторов: дескать, молодец, хоть у одного совесть заговорила.

Вот и я решил внять призыву и покаяться. Думаю: могут ли реформаторы взять на себя вину за глубокий спад производства; за то, что стоят заводы; за глубокую социальную дифференциацию; за кричащие противоречия между бедностью и богатством; за то, что месяцами не платят зарплату и пенсии?.. Думаю и о своей ответственности как бывшего министра экономики, находящейся в глубоком и длительном кризисе.

Ведь именно этого требуют от нас: покайтесь, признайте, что неумехи, что ничего у вас не вышло. И разумеется, отойдите в сторону, без вас обойдемся. Пусть другие... Вот тут и пропадают мое смирение и готовность каяться. Ибо следствием будет не милостивое прощение пострадавшего народа, а обращение его к иным, ложным пророкам. И ошибки много хуже наших. Вот тут я вспоминаю, что и сам, и товарищи мои пошли делать реформы, заранее зная, что всем нам придется очень трудно, что благодарности не будет, что мы успеем сделать только часть работы, а в качестве вознаграждения услышим брань. Хотим одного: только бы эту работу смог подхватить кто-то другой, чтобы продолжить ее и довести до конца.

Анализируя шаг за шагом нашу деятельность, я понимаю, что не скажу того, чего бы от меня, кажется, хотели услышать. Да, мы ошибались, и много, но это не те ошибки...

Спад производства произошел не потому, что осуществили либерализацию цен и проводили жесткую денежную политику. Причина в ином: задолго до этого в экономике накапливались чудовищные диспропорции. 75 лет структуру производства определял не платежеспособный спрос, а план: 60 % валового продукта – военного назначения. Чрезмерное производство первичных ресурсов – нефти, газа, металла, цемента, удобрений – должно было покрывать крайне неэффективное их использование. Товары народного потребления покупали только потому, что не было выбора. Зато, вколавывая гигантские средства в сельское хозяйство, импортировали 30 млн. т зерна. Чтобы поддерживать все это на плаву, нужны были колоссальные деньги. До 1986 года их брали из «нефтяной тумбочки»: продажа нефти по высоким тогда мировым ценам из богатейших в мире месторождений Западной Сибири принесла СССР 180 млрд. долл. – сейчас это сумма нашего внешнего долга с процентами, которые еще набегут до 2010 года.

Куда все эти деньги делись? А вот туда – на поддержку неэффективной экономики и уровня жизни людей, которых эта неэффективная экономика без нефтедолларов не могла бы прокормить. В общем, на поддержку застойного брежневского режима.

Потом оказалось, что цены на нефть упали, месторождения обеднели, деньги проедены.

Далее Горбачев с Рыжковым под перестройку взяли на Западе займы более 60 млрд. долл. (плюс к 25, которые уже были одолжены), бросили их на закрытие образовавшихся в бюджете прорех. Но ни цены освободить, ни расходы сократить, ни реформы по-настоящему провести не решились. Боялись гнева народного.

И вот к управлению пришли либералы-реформаторы (на 13 месяцев). Что было делать, когда займы уже не давали, страна распалась от неимоверного дефицита? Они сделали

только очевидное, что само собой происходило помимо воли государства, – освободили цены. Сейчас спорят: не надо было сразу, надо было поэтапно, а то получилась шоковая терапия. Увы, известно из мирового опыта, что поэтапность в этом деле сулит только дополнительные беды. И мы с ними познакомились на своей шкуре, ибо настоящей шоковой терапии не было – год не трогали замороженные цены на газ и железнодорожные тарифы. Бесконечно долго их держать нельзя, если растут остальные цены. Потом сразу происходит повышение на 50–60 %, и все остальные цены подсакакивают на столько же или больше. Инфляция закручивается сильнее, чем если бы ничего не замораживали.

Жесткая финансовая политика, монетаризм – это, кажется, «вина», в которой надо бы признаться. Вот и Ю. Лужков снова за это «наехал» на реформаторов: дескать, зря слушали МВФ, применяли надуманные западные схемы вместо того, чтобы присматриваться к нашим российским особенностям. Душа просит потрафить московскому мэру, может, завтра – президенту России. Что-то внутри шепчет: согласись, виноваты. Прислушиваюсь – нет, это не совесть шепчет, а рабство, блюдолизество, страх. Совесть как раз говорит: здесь виниться не в чем. А если и есть, то только в том, что уступали, пугались нажима и «народного гнева», когда в интересах страны необходимо было проявить волю.

Объяснение простое. Если уж вынуждены оказались освободить цены, надо было сразу зажимать государственные расходы и сбалансировать бюджет. Когда бюджет не сбалансирован, дефицит его приходится закрывать печатанием денег. А это влечет известные последствия: не просто гиперинфляцию, но одновременно обнищание большинства, обогащение немногих. Посмотрите на Польшу, Чехию, где инфляцию после освобождения цен задушили в зародыше. Там нет такой глубокой социальной дифференциации, как у нас, там удалось сохранить более высокий уровень социального обеспечения. Там, кстати, уже давно начался экономический рост, про неплатежи и бартер забыли. Денежной массы достаточно, кредит доступен предприятиям. Почему? А потому, что на преодоление инфляции они потратили шесть месяцев, а не шесть лет, как мы. И при этом не влезли в долги, что бы время от времени облегчать себе отношения с собственным народом.

Слов нет, в России преобразования идут труднее, проблемы здесь больше, «самые большие в мире». Но поэтому и действовать надо было решительней, активней противостоять попыткам тех, кто норовил получить свободу и собственность, не ощутив всей жесткости рыночных, реальных финансовых ограничений, да еще и заработав на неизбежной неразберихе.

Все семь лет горстка либералов-реформаторов вела отчаянную борьбу с прежней номенклатурой, с всплывшими на поверхность советскими «теневиками», со своими товарищами, не выдержавшими соблазнов власти и возможности обогащения. Как это все понятно по-человечески. Как это все неизбежно исторически: пива без пены не бывает.

Вот теперь, пожалуй, пришла пора каяться. Назову самые заметные из наших ошибок.

1. Не надо было принимать вторую модель приватизации, она затруднила процесс формирования эффективных собственников.

2. Не надо было так растягивать финансовую стабилизацию. Два года – больше чем достаточно.

3. Не надо было так часто идти на компромиссы и держаться за кресла в надежде еще что-то сделать при поддержке президента. Надо было либо энергичней двигать реформы, либо уходить.

4. Надо было меньше рассчитывать на власть, на подковерные игры и больше обращаться к народу, объяснять ему суть происходящих событий. Без упрощений и популизма.

5. Не надо было ради компромиссов влезать в долги

и строить пирамиду ГКО, которая, рухнув, погребла под собой надежды многих из нас на то, что Россия сможет когда-то стать процветающей рыночной и демократической страной.

Я каюсь, ибо в этих ошибках есть моя доля. В этих, но не в тех, что нам хотят навязать. Россия переживает глубокий и затяжной кризис не из-за реформ, а из-за того, что мы дольше всех торчали в коммунистической ловушке, из которой сегодня выдираемся с мучениями и кровью. Реформы призваны были снизить цену потерь, предотвратить катастрофу, которая без них стала бы неминуемой. И если сегодня мы видим, что цена велика, то это говорит об одном: реформы либо не достигли цели, либо не проводились вовсе. Мало сделано.

Вы, уважаемые читатели, можете мне не верить. Вам могут казаться более убедительными иные объяснения, попроще и попонятней. Однако не становитесь при этом жертвами еще одного мифа – потом это слишком дорого обходится всем нам.

Правый манифест

Введение

XX век для России – век трагических испытаний и великого искушения, урок для всего человечества. Три четверти столетия в нашей стране длился небывалый социальный эксперимент, попытка реализовать коммунистическую утопию, обернувшаяся созданием кровавого тоталитарного режима и уродливой, неэффективной командной экономики. Огромной ценой была создана ядерная сверхдержава, сфера влияния которой охватывала два десятка стран на четырех континентах.

В конце века под тяжестью накопившихся диспропорций, непомерного бремени милитаризации и великодержавных амбиций, подрыва естественных стимулов к труду и деловой активности, под давлением массового демократического движения коммунистический режим рухнул. Мы, представители российской демократии, гордимся тем, что внесли свой вклад в его крушение. Август 1991 года навсегда останется главной памятной датой для всех, кому дороги свобода и права человека.

Распался и Советский Союз, наследник империи. На его обломках образовалась новая демократическая Россия и еще 14 независимых государств, бывших союзных республик СССР. «Великий эксперимент» завершился тяжелейшим экономическим и социально-политическим кризисом, который и по сей день переживает наша страна. Мы все дорого платим за то, чтобы вырваться из западни коммунизма.

В ноябре 1991 года президент Ельцин призвал в правительство группу сторонников либеральных реформ во главе с Е.Т. Гайдаром, которые приступили к их осуществлению с начала 1992 года. В августе 1998 года, спустя неполные семь лет, в обстановке острейшего финансового кризиса он же отправил в отставку последнее правительство реформаторов во главе с С.В. Кириенко.

Последовавшие за ним правительства либо не хотели, либо уже не могли продолжать жизненно необходимые стране преобразования. В обществе накопилась усталость, слова «реформы» и «демократия», еще десять лет назад привлекавшие всех, сейчас для многих наших сограждан приобрели негативный оттенок. Сторонникам либеральных реформ предрекают политическую смерть.

Однако зря на это рассчитывают. Идеи свободы и демократии всегда были живы в нашей стране. И чем сильнее был гнет, тем глубже эти идеи укоренились. Мы убеждены в том, что сейчас они как никогда нужны России и имеют шанс воплотиться в жизнь. Семь лет не пропали даром.

Наступает новый этап.

Пришла пора подводить итоги, извлекать уроки из накопленного опыта, перестраивать ряды, завоевывать новые позиции на российской политической сцене.

1

Наши ценности

Главная идея, которую мы отстаиваем, – это свобода. Свобода, гарантированная демократией.

Так случилось, что широкое демократическое движение, которое смело коммунистический режим в нашей стране, слишком быстро раскололось после начала либеральных экономических реформ в 1992 году. Тяготы реформ понизили популярность либеральных и

демократических идей. Реформаторов стали упрекать в том, что они не способны предложить идеалы, которые могли бы увлечь людей. Только голый материальный расчет. Якобы реформы ввергли нас в моральную деградацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.